

НАШИ • ТАМ

АЛЕКСАНДР АВРАМЕНКО,
ВИКТОРИЯ ГЕТТО

ВОЛК. ЮНОСТЬ

Наши там (Центрполиграф)

Александр Авраменко

Волк. Юность

«Центрполиграф»

2014

Авраменко А. М.

Волк. Юность / А. М. Авраменко — «Центрполиграф»,
2014 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-05584-2

Странные дела творятся в Фиори: сначала с небес падает на землю нечто, оказывающееся кораблями, в которых Атти дель Парда отлично разбирается. Затем, прикрываясь древним договором с сопредельным государством, молодого графа посылают на верную смерть. Да ещё вдруг откуда-то появившаяся жена сразу заявляет: не вздумай погибнуть! Потому что только я имею право тебя убить! И что делать? Да просто выжить и показать чужеземным феодалам, что Волк Парда умеет больно кусаться...

ISBN 978-5-227-05584-2

© Авраменко А. М., 2014

© Центрполиграф, 2014

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	31
Глава 5	38
Глава 6	45
Глава 7	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Александр Авраменко, Виктория Гетто

Волк. Юность

Роман

Пролог

– Далеко ещё?

Я поворачиваюсь к очень красивой девушке, сидящей в седле коня, идущего рядом. Она отрицательно мотает головой:

– Почти приехали, сьере граф. За этим гребнем...

Посылаю Вороного вперёд. Конь сильный, легко вырывает из слежавшегося снега свои копыта и одним прыжком пробивает снежную застругу. Вот и перевал! Внизу, прямо передо мной пологая лощина, покрытая множеством горячих источников. И я восхищённо вздыхаю: вся она буквально усеяна металлическими листьями, оплавленными кусками непонятного происхождения, изуродованными контейнерами. Хватило бы людей... Оборачиваюсь – метрах в пятидесяти от меня начинается бесконечная колонна из саней и людей. Кричу, перекрывая завывание ветра:

– Мы на месте! Сейчас спустимся и начнём!

По моим следам к нам приближаются двое закутанных в тулупы всадников:

– Сьере граф?

Показываю жестом на валяющееся внизу богатство:

– Видите?

Ролло бледнеет и осеняет себя знаком церкви:

– Оборони меня Высочайший...

Дождь более спокоен. Но я-то знаю, что сейчас с ним происходит...

– Спускаемся и начинаем собирать всё. До последней железки, до единого кусочка. Всё, что попадёт под руку. Сколько бы ни потребовалось сил, всё грузить на сани, это нужно, ребята. Считайте, что наша жизнь зависит от найденного...

Вассалы кивают, возвращаются к саням, вижу, как они машут руками, иногда до меня доносится отрывочная брань. Девушка на рыжей кобыле приближается ко мне:

– Вы довольны, сьере граф?

Прищурившись, окидываю взглядом долину, парящую множеством гейзеров. Однако интересное местечко. Впрочем, картинка передо мной тоже... Ничего... Баронесса дель Рахи одета в специально пошитый костюм для верховой езды, лёгкий, но очень тёплый. В таком не замёрзнешь и в пургу, и в лютую стужу. Он соблазнительно подчёркивает формы красивого тела, и, обладая неким опытом и воображением, можно представить, что под ним скрывается...

– Выше всяких ожиданий, доса баронесса. Честно скажу, мои деньги не пропали.

Ещё бы! Почти пятьсот золотых. Сумма для Фиори колоссальная. Мало кто вообще даже слышал о таких деньгах. Здесь, в этом непонятном объединении феодальной вольницы, счёт на золотые монеты идёт поштучно. Редко когда на десятки монет. А тут – почти полтысячи полноценных, новеньких монет. Теперь баронесса одна из самых завидных невест! С таким-то колоссальным, не побоюсь этого слова, приданым... Она алеет, затем опускает очень красивую головку, на которую надета пушистая шапочка с большими помпонами у висков, по местной, только что появившейся моде.

– Ваша светлость, сьере граф, простите, но у меня ощущение, что вы меня просто раздеваете взглядом...

Краска на личике становится совсем густой, и я улыбаюсь про себя – вот чертовка! Но красива... Просто не описать словами. Повезло моей бете встретить такое чудо! Что такое бета? Если объяснять простым языком, то это человек, в мозг которого записывается психоматрица, содержащая личность совершенно другого организма. Так что имеется тело, а вот внутри его совершенно другой индивидуум. Проблема в том, что психоматрица снимается лишь в момент биологической смерти альфы, того самого, чья личность пересаживается в носителя. А дальше матрица ищет подходящее для альфы тело и внедряется в мозг.

Пять лет назад я, майор Российской Империи, пилот транспортного корабля «Рощица», погиб в результате того, что мой корабль попал в метеоритный поток, не замеченный из-за выхода из строя системы дальнего обнаружения. Получив несовместимые с жизнью ранения, решил прибегнуть к последнему шансу, отдав приказ корабельному компьютеру снять с меня психоматрицу. Очнулся в теле тощего, слабого подростка, подхватившего неизлечимую местную заразу – лихорадку святого Йормунда. Страшная болезнь, честно скажу! Её можно сравнить с форматированием жёсткого диска компьютера, когда в человеческом мозгу стирается всё – память, рефлексy, умения... Остаётся растение, которое даже не умеет самостоятельно дышать... Вот в такого больного матрица меня и переписала. И стал я Атти дель Пардой, баронским сыном четырнадцати лет от роду. Правда, то, что я аристократ, принесло мне больше хлопот и головной боли, чем прибыли. Потому что баронство, наследником которого я стал, оказалось нищим. Десяток крепостных да полсотни арендаторов. И вдова, биологическая мать носителя, раздавленная горькой судьбой женщина, бьющаяся за выживание словно рыба о лёд...

Было всякое: и хорошее и плохое. Пришлось убивать, лгать, подставлять ни в чём не повинных людей. Средневековье. Самая, так сказать, сердцевинка. Примерно двенадцатый, может, тринадцатый век эры Исхода. Простые до ужаса нравы, варварские порядки. Одно время я пытался вести себя, как положено офицеру и гражданину Империи. Увы. Меня просто не поняли, посчитав слабаком... Но я выжил. Полюбил без всякого притворства вдову, мать моего тела, словно свою собственную, смог заинтриговать и стать впоследствии компаньоном самого богатого человека планеты сьере Хье Ушура, сделавшего меня не только несметно богатым, но и купцом Высшей Гильдии, чьё слово значит очень и очень много. Разбил трёх довольно сильных аристократов, возжелавших прибрать к рукам мои богатства и земли, присоединив их к своим владениям. Поэтому из барона я стал графом.

Дальше вроде бы жизнь покатила по накатанной колее, пока я вновь не встретил одну мою знакомую даму, досу Юрику дель Рахи, на земли которой неожиданно даже для меня упали обломки моего старого космического корабля. «Рощица», между прочим, должна была пробираться к планете, на которой я сейчас живу, ещё шесть стандартных лет. В общем, что-то там произошло. В космосе. Непонятное. И сейчас я люблюсь на раскиданные по долине обломки своего корабля. Хотя... Впрочем, кажется, не только моего... Я настораживаюсь: один большой холмик, засыпанный снегом, явно мой транспорт. Знакомые очертания большого параллелепипеда угадываются под снегом. Но тут же, совсем рядом, лежит распластанная туша боевого корабля саури... Саури?! Саури?!!

– Эй! Стоять! Стоять всем на месте!!!

Я ору благим матом, потому что разглядел свежую цепочку следов на снегу, отходящую от вражеского корабля. Совсем свежую! Проложенную буквально минут за пятнадцать до нашего прибытия! Рука сама, уже рефлекторно тянется к мечу, ноги дают шенкеля Вороному, и могучий жеребец рвёт с места, вывернув копытами здоровенные комья снега. Едва успеваю выдохнуть:

– Юрика! Стой на месте!

Мне не до этикета, и девушка явно шокирована моей реакцией. А я уже мчусь вниз и кричу обгоняемым мной возчикам:

– Стоять! Стоять! Всем стоять на месте! Ждать моего возвращения!

Я должен справиться сам! Вряд ли кто, кроме меня, на этой планете способен противостоять исконному врагу человечества! Но следом за мной срывается вдогонку десяток личных телохранителей из моей спецшколы. Этих бесполезно уговаривать – у них чёткий приказ: охранять мою драгоценную тушку даже ценой собственной жизни! И я, махнув на всё рукой, понукаю Вороного во всю мочь. Мой конь сейчас в расцвете своих лет и легко мчит меня по неглубокому снегу. Горные ветры сдувают его с земли, к тому же внизу долина с тёплыми источниками, и потому покров едва доходит жеребцу до бабок. Вот и место, откуда берут начало следы. Я не ошибся – передо мной саурийский боевой корабль класса Малый Лист. Нечто вроде нашего имперского эсминца. Люк вывернут накрепких креплениях, и кажется, внутри тоже сплошной хлам. Рывком заворачиваю коня влево, и жеребец несёт меня вдоль следов, позади – молчаливый лошадиный топот коней моих ребят-охранников. Ни крика. Ни лишнего шума. Но что-то странное в этой цепочке отпечатков саурийской обуви. Глубина следов разная. Будто беглец привлекает одну ногу. Вороной выносит меня на противоположный гребень долины и... Я вижу хрупкую фигурку в обычном флотском комбинезоне главного противника человечества. Беглец оглядывается, замечает меня, и тут за спиной вырастает моя десятка.

– За мной! Взять живым!

Теперь нечего таиться, и из-за спины раздаётся дикий переливчатый крик:

– Йа-йа-йа!!!

Впрочем, Вороной самый быстрый из всех присутствующих коней, и я легко оказываюсь впереди. А беглец ускоряет бег, но получается у него не очень. Саури явно ранен, потому что сильно, очень сильно хромает! В моей руке оказывается меч. Мы сравниваемся бок о бок, и мой клинок плашмя опускается на прикрытую шлемом голову... Треск, лёгкий пластик обычной дыхательной маски разламывается на куски, враг катится кубарем по снегу, зарываясь в подвернувшийся заструг, и я рву поводья, останавливая и разворачивая жеребца к распростёртому телу, возле которого уже возятся мои диверсанты. Они споро опутывают неподвижного саури, затем кто-то продевает взявшееся копьё под его связанные ноги и руки, и тело бегльца взлетает в воздух, словно туша оленя, добытого на охоте. И тут я замечаю... замечаю... что это самка... Самка саури! Она без сознания. Впрочем, должна благодарить своих богов, потому что пожелай я её убить, то бил бы не плашмя, а лезвием. Вижу, что левая штанина её стандартного пилотского комбинезона распорота и нога замотана зелёным, как у них принято, биобинтом. Получается, что я не ошибся. Самка ранена. И похоже, единственная уцелевшая из экипажа. Как же мне повезло! Отловить саури второго пола неслыханная редкость! Но странное дело, я не чувствую к ней той ненависти, которую, по всем канонам, должен испытывать. Просто любопытство, злорадство, но только не ненависть.

Выезжаем обратно на гребень, и я машу своим людям рукой – можно начинать работу! Чёрные точки сервов медленно поползли вниз.

Бросаю своим орлам:

– Едем к большому источнику...

Наконец останавливаемся, я спрыгиваю с коня и подхожу к копьё, на котором висит вниз спиной саури. Она по-прежнему без сознания.

– Исчадие Нижайшего... – шепчет кто-то из моих телохранителей, но я резко обрываю болтуна:

– Молчать! Она не порождение Бездны! Всего лишь мутантка!

Непонятное всем слово, как ни странно, успокаивает ребят. Приказываю положить пленницу на землю и укутываю её своим запасным плащом, вытащенным из седельной сумки. Нечего лишним глазам смотреть на неё. Теперь я даже ощущаю к ней жалость. Бедняжка. Оказаться на примитивной планете, в лапах своих злейших врагов. Одна, без защиты и помощи...

– Ставьте шатёр здесь. Девчонку – внутрь. Не стоит показывать её всем.

Старший десятка охраны кивает. А я, прищурившись, смотрю на занесённый снегом Малый Лист. Досталось ему не слабо. Провалившаяся внутрь обшивка, торчащие, словно рёбра диковинного животного, шпангоуты. Удивительно, что хоть кто-то уцелел...

– Сьере граф, кого вы поймали?

На меня смотрят круглые от любопытства глаза Юрики. Она осмелилась приблизиться к саурийскому кораблю и стать рядом со мной. Девчонка явно ко мне равнодушна... Машу рукой, мол, ничего особенного. Но всё же приходится пояснить:

– Одного из тех, кто летал на этом вот... Этой небесной лодке.

Глаза девушки становятся ещё больше, хотя кажется, что это невозможно.

– Но разве на этом можно... летать?

Киваю:

– Можно. Поверь.

Делаю шаг к зияющему темнотой люку и слышу испуганный голос досы дель Рахи:

– Сьере граф! А если там сам Нижайший?!

Смеюсь в ответ и ныряю внутрь. М-да... Снега нанесло...

Малый Лист мёртв. Окончательно и бесповоротно. После таких повреждений работать что-либо не сможет гарантированно. Всюду следы огня, свисающие провода и обломки панелей. Переборки зияют пробоинами. Досталось саури не слабо. Но это явно не следы боя. Что-то другое. Совершенно другое... Дальше идти невозможно. Сплошные завалы. Перекрученные гравитацией конструкции, обломки, провалы... Нужен светильник. А лучше – стандартный армейский фонарь. И чтобы кто-нибудь страховал...

Вынырываю наружу. Как же хорошо, несмотря на зиму!.. Народ уже приблизился и со страхом смотрит на меня, на две исполинские груды металла. Саурийскую и имперскую. Машу им рукой:

– Собрать всё вокруг. До последнего кусочка. Сложить в кучи. Дежурным ставить палатки. Готовить ужин.

А вот и подходящий холмик. Можно присесть. Подхожу к нему, но тут словно кто-то дёргает меня, и я разгребаю бугорок носком сапога. При первом же движении обувь за что-то задевает, а затем за моей спиной раздаётся дикий визг. Я оборачиваюсь: Юрика, полупривисев, её рот безобразно искривился, показывает мне под ноги рукой. Впрочем, я теперь и сам вижу. Мертвец. Человек в залитом бурой засохшей кровью мундире майора Русских Имперских ВКС, военно-космических сил. Это – я...

Глава 1

... Я вхожу в у же поставленный слугами шатёр. Внутри тепло, походная печурка успела прогреть внутренность временного жилища. Ткань изнутри обшита шкурами лесных зверей, поэтому в шатре можно жить даже зимой. На покрытом коврами выровненном наскоро лопатами полу стоит скромная мебель: раскладной стол, несколько стульев, шкафчик, окованный металлом сундук и походная кровать. Правда, в углу довольно нетипичный для обстановки предмет: обычная грубая клетка, в которой казнят самых злостных преступников, подвешивая их на столбах. Привезли специально из полуразвалившегося замка Рахи, находящегося в десяти милях от тёплой долины. Юрика мечтает восстановить древние фамильные стены. Ну...

Сбрасываю плащ, оставшись в своей обычной чёрной одежде. Настроение у меня, прямо скажем, не ахти. Ещё бы!.. Только что хоронил сам себя. Не в прямом смысле, разумеется. Мою альфу. Удивительно, как мы стали похожи с ним. Видимо, матрица действительно добилась практически полного соответствия оригиналу. Неплохо бы провести более углублённый анализ, но на всей планете не найти обычного медицинского сканера. Уровень развития, увы, не тот. Звоню в колокольчик. Слышен шум шагов за пологом. Появляется слуга, кланяется.

– Обед готов?

– Да, сьере граф.

– Подавай.

Тот исчезает. Слышно, как хлопает ткань, прикрывающая промежуточный тамбур. Чуть обдаёт холодом, но печь тут же возвращает внутреннюю температуру шатра к прежнему уровню. Устало усаживаюсь за стол, откидываюсь на спинку стула, вытягиваю ноги. Мои люди похоронили всех: меня прежнего и мой экипаж – механика и канонира. Отдельно уложили найденных саури. Их оказалось двенадцать. Большинство умерло сразу. Кое-кто погибал явно долго, мучительно и страшно. Выяснилась и причина, благодаря которой уцелела эта... самка... Её запихнули в спасательную капсулу. А эти устройства делают настолько прочными, что трудно вообразить. Капсула, кстати, оказалась единственной на Малом Листе. Видимо, остальные либо потеряли, либо их просто не было. Очень дорогая вещь, и они имеются не на всех саурийских кораблях...

– Сьере граф, прикажете подавать?

Внутрь просовывается голова прислуги. Киваю ему, прикрываю глаза. Я устал. Не физически. Морально.

Шуршит ткань полога. Слуги уходят. Открываю глаза – да, стол накрыт. Еда пахнет дымком от костра, на котором её готовили. Вкусно, кстати, получается. Впрочем, так всегда на открытом огне. Поднимаюсь со своего места, подхожу к стоящей в углу клетке, сдёргиваю с ржавых прутьев ткань, которой та накрыта. В ответ слышу злобное шипение. Внутри сидит моя пленница, плотно упакованная. Безразлично пожав плечами, снова усаживаюсь за стол и приступаю к еде. Некоторое время стоит тишина. Иногда стучает нож по тарелке. Обед вышел на редкость удачным! У повара явно талант. Надо будет озаботиться наградой для него... Похоже, что от вкусной еды у меня начинает вновь подниматься настроение.

Время от времени бросаю бесцеремонные взгляды на скорчившуюся внутри яйцевидной клетки саури. Её стандартный пилотский костюм кланов, только без знаков различия, наводит на мысль, что она не член экипажа, а пассажирка. Поэтому её и запихнули в капсулу последнего шанса, пожертвовав всеми остальными. Молодая. Даже младше меня нынешнего. Не говоря уж обо мне предыдущем. Длинные пепельные волосы, забранные на затылке в пучок, две длинные пряди, как принято, выпущены у висков, оставляя чуть прикрытыми не очень длинные острые аккуратные ушки. Вообще саури практически не отличаются от нас, людей. Во всяком

случае, внутренние органы у нас идентичны. Так, несколько внешних отличий: чуть более тонкие кости, что сказывается на внешнем облике и фигурах. И отсутствует извечный бич людей – ожирение. Поэтому все наши человеческие женщины остро завидуют самкам саури, те просто не знают таких слов, как целлюлит или лишний вес. Всегда, в любом возрасте, после любых родов – идеальная фигура, поэтому зависть никогда не утихнет... Отвлёкся. Личико... Идеальный овал с тонким прямым носиком, пушистые длинные брови и столь же длинные пепельные ресницы. Губки... Пухлая нижняя, чуть потоньше – верхняя. Между бровей – какой-то символ. Естественно, вытатуированный. Похоже, это метка клана. Правда, какого, я не знаю. Их у саури чуть ли не тысяча. Хорошо, хоть язык для всех общий... Необходимый минимум мне известен. Обучают у нас этому переливчатому наречию в обязательном порядке. Как-никак – основной враг человечества, война с которым с небольшими перерывами длится уже больше тридцати лет... Ноги у пленницы длинные, стройные, просто умопомрачительной формы. Их не различить под мешковатыми штанинами, но строение тела самки мне хорошо известно. Руки тонкие, с узкими кистями, на которых так же, как у нас, по пять аккуратных длинных пальчиков, можно даже сказать – музыкальных, с ухоженными ногтями. Таков внешний вид моей пленницы...

Я ем и замечаю, как саури сглатывает слюну. Украдкой, таясь от моих взглядов. Девчонка явно голодна. И даже очень голодна. Случайно уловил негромкое бурчание в её желудке. Тем лучше. Для меня.

Покончив с едой, наливаю себе натты, местного напитка, очень похожего на кофе и по вкусу, и по действию.

Сейчас все мои люди трудятся снаружи, тщательно разгребая снег и снося всё найденное в кучи. Когда закончат, я бегло просмотрю все находки, отсортирую полезное и нужное, и начнётся погрузка. А потом – обратный путь домой. За корпусами же упавших кораблей приедут позже. И скорее всего, без меня, потому что мне предстоит вассальная обязанность перед императором Рёко. Год службы вместе со своими людьми. Эх, как же не вовремя. Ну да ничего. Дож потихоньку станет перевозить свалившееся с небес богатство в Парду, а когда закончится срок обязанности, я вернусь и разберусь со всем окончательно. Впрочем, обоз у меня большой, почти сто саней и триста человек сервов. Так что останется здесь мало чего. Мой старый транспортник вёз обычный набор контейнеров для армейских лавок. Одежда, всякая мелочовка вроде новых кристаллов с развлекательными записями, ширпотреб, прочее барахло. Ни оружия, ни станков – словом, почти ничего из его груза мне здесь особо не нужно. Вот будь у меня колониальник, колониальный транспорт, – тогда да. А так... Хотя у моего механика большая коллекция всяких инструментов, – у парня был бзик по этому поводу, он тащил на «Роцицу» всё, что только мог... Эх, Коля... Перед глазами на миг появляется его широкое скуластое конопатое лицо с зелёными глазами. Весёлый, вечно благоухающий вакуумной смазкой. А умер так нелепо, от декомпрессии. Первый же метеорит прошил корпус корабля насквозь, просадив моторный отсек, и атмосфера мгновенно улетучилась через микропробину. Надеюсь, он не успел понять, что произошло... Мой человеческий корабль тоже сильно разбит. Практически так же, как эсминец саури, так что особой надежды найти его богатства нет. Но если найдутся, тогда я смогу нарезать валы и винты для суппортов...

Тянусь за сладкой булочкой и перехватываю горящий ненавистью взгляд саури. Чуть дёргаю краешком губы в ухмылке. Самка отворачивается. Лениво отщипываю от сдобы по небольшому кусочку, тщательно прожёвываю. Девчонка пытается переменить позу, но со связанными руками и ногами это не так-то легко. Тем более в этой варварской клетке. Раздаётся резкое шипение. Ага! Похоже, зацепилась раной за прут, и ей больно. Точно! Вижу, как вздрогнули её плечи, и она даже на мгновение откинула головку. Потом утыкается в поджатые к себе колени и молчит. Ну что же...

Вспоминаю уже почти забытые звуки их языка, вбитые в меня с помощью глубокого гипноза:

– Как твой имя?

Может, не очень правильно с точки зрения грамматики, но уж на что способен. Поэтому прости меня, девочка. Та резко оборачивается, недоверчиво смотрит на меня. Приходится повторить, на этот раз правильно построив фразу:

– Как тебя зовут, саури?

Тишина. Потом мягкий грудной голос отвечает:

– Откуда ты знаешь наш язык, хомо?

– Вопросы здесь задаю я. Отвечай, самка.

Она прищуривает свои ярко-серые глаза, что-то неразборчиво шипит. Что же...

– Вижу, тебе нравится сидеть голодной.

Верчу в руках куриную ножку. Вкусную. Покрытую желтоватым жирком. Саури снова сглатывает слюну, гордо отворачивается. Твои проблемы...

– Мне вообще-то всё равно, как к тебе обращаться. Так что можешь молчать. Но – голодная.

Бросаю мясо обратно на блюдо, затем накрываю клетку тканью. Не замёрзнет, и ладно. В шатре тепло. Звоню в колокольчик. Вскоре появляется слуга. Показываю на стол:

– Убрать.

Тот сразу принимается за дело. Потом, словно вспомнив что-то, вздрагивает:

– Сьере граф, а что это за исчадие Нижайшего? – И показывает на покрытую тканью клетку.

– Это не исчадие Нижайшего. Просто несчастная переболела редкой болезнью. Не слышал? Биномом Ньютона.

Слуга отрицательно мотает головой. Кажется, та сейчас отлетит. Изо всех сил удерживаясь, чтобы не рассмеяться, выдаю на-гора:

– Те, кто заболел и смог выжить, после неё становятся такими – серая кожа, светлые волосы и глаза, острые уши.

Парнишку передёргивает.

– Какой ужас! Сьере граф, а если она больна, то почему вы держите её в клетке, а не лечите?

...Что бы такого сказать, а? Придумал!..

– Спасая вас от заражения. Вдруг она плюнет на вас, тогда вы станете такими же. Если, разумеется, выживете.

– Получается, это страшная болезнь, сьере граф?

– Очень страшная. Человек перестаёт делать что требуется, начинает только думать. Над самыми простыми вещами. А потом из головы у него начинают расти урavnения и квадратные корни.

– Корни?! Квадратные?!!

– Да. Представляешь? Именно квадратные. И пока они не отсохнут сами – ты всё думаешь, думаешь, а голова у тебя распухает до такой степени, что становится больше тела. Ну а когда корни созревают и отсыхают, становится вот такой, как у неё. Ушастой.

– Какой ужас... – бормочет парень и, собрав посуду, торопливо убегает.

Я, не выдержав, всё-таки смеюсь, пусть и вполголоса. Подхожу к кровати, стаскиваю сапоги, ложусь поверх одеяла, накрываясь меховой полостью. Раздеваться полностью лень, потому что скоро опять подниматься и идти контролировать, как продвигаются дела у сборщиков-поисковиков. Того, что, вернувшись, люди разболтают всем о находке, я не боюсь. О том, что это упало с неба, знает лишь Юрика дель Рахи. А она – ещё одна компаньонка моей матушки. Для всех остальных же – это остатки строений древних людей. Нормальная легенда.

Теперь ещё пойдут страшные рассказы про Бином Ньютона, спящий в развалинах... Снова беззвучно смеюсь и незаметно для себя засыпаю.

Ближе к вечеру меня бесцеремонно будят. В шатёр вваливается Грам с радостным криком:

– Сьере граф, прокопали!

Пояснений не требуется. После собственных похорон я распорядился выкопать туннель к люку человеческого транспортника, который лежит на боку. И вот теперь я могу попасть внутрь. Как и Малый Лист, корабль здорово раздолбало. И особой надежды, что передатчик уцелел и я смогу подать сигнал бедствия на родину, у меня нет.

Торопливо вскакиваю с койки, напяливаю сапоги, набрасываю свой любимый, подбитый мехом чёрного волка плащ и выскакиваю наружу. На улице уже сумерки, но это не страшно. Вместе с семенящим сбоку Грамом спешу к раскопу. Яма, скажем так, впечатляет. Осматриваю люк. Нет ни перекосов, ни вмятин. Значит, техника может сработать. Откидываю крошечную панель сбоку входа. Неудобно, потому что она над головой. Ну да справимся. Набираю намертво впечатанную в память комбинацию. Мгновение ожидания – и массивная диафрагма с тихим гулом складывается, уходя в обшивку. Ура! Грам стоит рядом с открытым ртом. Включается автоматика, разгораются лампы освещения – становится светлее. Отлично! Даже не мог мечтать о таком! Реактор, как я вижу, работает. А что сейчас панели тускло светятся, так, простите, четыре года на консервации! Да ещё в вакууме. Минимум пять суток нужно для выхода на нормальный рабочий режим после такого. Впрочем, время пока терпит, а там всё станет ясно. Но сейчас мне необходимо сделать одну вещь. Очень важную и нужную...

Легко подтягиваюсь на руках и оказываюсь внутри. Осматриваюсь. Можно пройти дальше. Правда, придётся карабкаться на четвереньках, но сейчас мне не до сохранения достоинства, и я лезу вверх по лежащему почти под острым углом коридору. Да будет благословен тот, кто придумал покрытие для космических кораблей! Ноги по нему не заскользят при всём желании, и я поднимаюсь по стене, словно по обычной дороге. Куда сложнее удержать равновесие. Но я справляюсь... Вот и рубка. Увы, в стене зияет рваная пробоина, через которую внутрь летит снег, идущий снаружи. Панель электронного мозга мертва. Причём необратимо. То ли метеорит, то ли снаряд саури разворотил хрупкую начинку, и всё вокруг блесит крошечным интеллектуальными панелями. Так что мнемокристалл управления, положенный мной первым перед смертью в подлокотник командирского кресла, бесполезен... Ладно. Сейчас и темно, и уже поздновато. Завтра с утра посмотрю более тщательно. С этой мыслью выхожу из рубки.

Зайти к себе? Недолго думая поворачиваю по коридору и пробираюсь к своей каюте. Надо бы захватить кое-что... Вот она. Открываю двери, влезаю внутрь небольшого помещения. Отпираю дверцу сейфа. Та щёлкает и повисает на петлях, выворачивая содержимое наружу. Не страшно. Разгребаю кучу накладных, которая уже никому не понадобится. В самом низу – мой офицерский бластер в кобуре и запасные энергокристаллы. Беру его, щёлкаю предохранителем. Умеют же у нас в Империи делать вещи! Индикатор заряда весело горит зелёным, показывая, что оружие полностью работоспособно и готово к бою. А ещё – мой меч русского офицера. Ну, господа феодалы... Я вернусь из Рёко, и мы побеседуем... Достаяю из шкафа в углу каюты небольшой плоский чемоданчик. Там моя коллекция древней музыки и проигрыватель. Заодно прихватываю аптечку, валяющуюся у переборки. Она мне очень пригодится в походе. Да и сейчас. В шатре в клетке сидит раненая саури. Не местной же медициной лечить её, в конце концов? Спрыгиваю на землю, Грам смотрит на меня, на вещи в моих руках.

– Охранять проход, никого не пускать внутрь. Отвечаешь головой.

– Да, сьере граф!

Он отдаёт мне салют, ударив себя в грудь кулаком. Я научил. На имперский манер. Удовлетворённо улыбаюсь, но тем не менее снова закрываю диафрагму. Впрочем, смысла в этом нет. Практически весь корпус, кроме машинного отделения и грузового отсека, обвалился по

каркасу внутрь. А те два отсека уцелели, потому что, как общепринято в Империи, изготавливаются из бронзового сплава. На весь корабль такой материал использовать слишком дорого, а вот на эти отсеки можно и нужно. Почему защищается двигатель, думаю, объяснять не требуется. Ну а грузовой отсек... Грузы бывают разные: и ширпотреб для армейских лавок, и боеприпасы, и топливо, и, как в моём случае, нечто секретное.

Теперь можно вернуться в шатёр. Мы идём обратно, и я смотрю, что творится вокруг. Народ работает на совесть – снег почти везде убран, видна даже трава, чуть пожухлая, но всё ещё зелёная. Кони согнаны в табун, люди машут лопатами, просеивая собранный снег через сита. Видны две большие кучи. С такими темпами завтра уже будет всё закончено. Это хорошо. Даже очень хорошо!.. Возле шатра меня встречает озабоченная чем-то Юрика. Слегка кланяется:

– Сьере граф...

Для баронессы поставили отдельный шатёр. Естественно, по размерам меньше моего. Но тем не менее отдельная крыша. Прочие пробавляются палатками на десять человек каждая. Впрочем, они тоже утеплены, так что сервы не замёрзнут.

Девушка вскидывает прелестную головку и вопросительно смотрит на меня. Ну да, я хорош, однако. Весь день продрых, так как из-за похорон сдали нервы, хорошо, хоть догадался отдать приказы. А люди работали... Не отвечая ей сразу, маню к себе Грама:

– Пусть народ заканчивает и отдыхает. На сегодня достаточно. – Потом оборачиваюсь к досе дель Рахи: – Прошу вас посетить моё походное жилище, баронесса.

Та снова кланяется:

– Как пожелаете, сьере граф. Вы же мой сюзерен...

Мы входим внутрь, глаза девушки расширяются от удивления, когда она видит внутреннее убранство. Бросает взгляд в сторону накрытой материалом клетки, но молчит. Саури ведёт себя тихо. Уснула, что ли? Хвала Высочайшему.

– Как вы устроились, доса?

– Спасибо вам за заботу, сьере граф. Всё просто чудесно.

Развожу в сторону руки:

– Поскольку ваши крепостные разбежались после известного вам события, а замок в... скажем так: непригодном для житья состоянии, то я осмелился пока поселить вас в шатре. Уж простите.

Юрика машет рукой:

– Не волнуйтесь, сьере граф. Всё гораздо лучше, чем я могла ожидать, собираясь в это путешествие.

– Рад это слышать. – Сбрасываю с себя плащ, подкидываю пару аккуратных полешек в топку. Потом поворачиваюсь к баронессе: – Как я понимаю, вы определились с деньгами?

Девушка надувает губки:

– Фу, какой вы, сьере граф. Не предложите даме даже присесть?

Хм... Однако разбаловал я девчонок... Ну да ладно.

– Присаживайтесь, доса. Хотя я думаю, что, может, мы лучше приляжем?

Взглядом показываю на кровать, призывно манящую свежайшим бельём. Против ожидания Юрика не краснеет, а едва заметно оценивающе прищуривается, потом переводит взгляд на койку, затем обратно на меня.

– Вы хотите меня, сьере граф? Вместо ужина?

Вот же... Получив большие деньги, осмелела? Ну-ну. Поиграем, красавица, раз ты так хочешь.

– Не вместо ужина. А в качестве приложения к нему.

Она щурится ещё больше:

– Я очень, очень и очень дорогое блюдо, сьере граф. Не думаю, что у вас хватит золота, чтобы меня купить.

Начинаю злиться. Обнаглела? Но тут баронесса произносит то, что мгновенно успокаивает меня:

– Цена моей постели – обручальное ожерелье, сьере граф.

– Значит, вы готовы стать моей законной супругой, доса баронесса?

И тут она не выдерживает, заливаясь краской и опускает прелестную головку, чуть слышно прошептав:

– Да, сьере... граф...

Я молча отступаю от неё на шаг.

– Юрика... Давай не будем об этом. Станем считать, что наш разговор – дурная шутка.

Она резко вскидывает голову:

– Но я...

Прикладываю палец к её губам, останавливая:

– Не надо, Юрика. Не стоит... Да, ты мне нравишься. Не стану этого скрывать. Ты очень красива. Но... Я уезжаю на войну. И неизвестно, вернусь ли оттуда. Ты хочешь стать вдовой во второй раз?

Девушка вздрагивает. Изо всех сил мотает головой в знак отрицания. В её глазах появляются слёзы, и она, едва не плача, произносит:

– Не надо говорить о смерти, сьере граф! Вы вернётесь живым и невредимым, я знаю!

Улыбаюсь ей в ответ:

– Разумеется, вернусь. Только вот время... Оно покажет, искренни ли чувства, которые мы сейчас испытываем друг к другу. Верно, Юрика?

Баронесса несмело кивает.

Затем я кричу:

– Эй, что там с ужином?!

Просовывается голова слуги:

– Готово, сьере граф!

– Тогда неси. На меня и доса баронессу.

Тот исчезает, и спустя пару минут в шатёр вошли люди с подносами и начали сервировать стол.

Ужин прошёл в тишине. Потом я проводил Юрику до её шатра, пожелал спокойной ночи и вернулся к себе. У меня ещё осталась пара незаконченных дел, которые нельзя откладывать. Первое: я снова снял с клетки ткань, которой та была накрыта, и встретился с горящим злобой взглядом саури. Немудрено. Даже за один день можно неслабо проголодаться. А у неё с утра вряд ли что было в желудке, если не дольше. Ну а убивать её я, как ни странно, не собирался. Не тянуло меня к убийству, хотя по идее должно. Это на уровне рефлексов. Психоустановка. Но... Совсем ведь ещё молоденькая. И невероятно красивая...

– Скажешь, как тебя зовут?

Съёжилась. Потом нехотя буркнула:

– Ооли.

– Отлично. А меня можешь звать Атти.

– Дай еды.

– Сейчас.

Отпираю неуклюжий замок на дверке клетки, легко извлекаю самку наружу. Она весит килограммов, может, сорок. Вряд ли больше. Подхватываю девчонку на руки, та шипит, пытается брыкаться, но я несу её к столу, усаживаю на стул. Саури тянется связанными у запястий руками к хлебу. Но я легонько бью её по длинным пальчикам:

– Потерпи секунду.

Беру приготовленный заранее широкий ремень и пристёгиваю девушку за талию к стулу. Теперь, если что, быстро вскочить она не сможет: бережёного, как говорится, Высочайший бережёт. Застёгиваю пряжку сзади спинки, чтобы девица не смогла незаметно дотянуться, затем распутываю её руки. Ооли опять шипит от боли, потому что сейчас кровь тысячами иголок приливает к кистям, затем начинает яростно массировать запястья непослушными пальцами. Подвигаю к ней тарелку, беру половник и наливаю ей густого мясного супа. Кладу ложку:

– Ешь. Потом будет второе.

Беру кастрюлю с жарким, ставлю на печку слегка подогреть. Отхожу к кровати, сажусь на неё и наблюдаю за пленницей. Саури жадно ест. Да. Голодна. Даже очень. Ну, пусть питается. Вряд ли она что предпримет, пока не закончит... Достая из-под койки свой чемоданчик, открываю, окидываю взглядом поле инфокристаллов. Моя коллекция древней музыки... Беру первый попавшийся, вставляю в гнездо проигрывателя... Грустная мелодия на неизвестном мне языке, хрустальный чистый женский голос... Краем глаза вижу, как девчонка при первых аккордах резко вскидывает голову, с неким любопытством глядя на меня. Потом опять принимается есть... Так. Звуковой фон обеспечил, теперь надо двигаться дальше... Извлекаю аптечку. Открываю. Непонятный звук привлекает моё внимание – саури застыла с открытым ртом, глядя на меня.

– Чего? Ешь давай! Остынет, будет не вкусно.

Она снова торопливо принимается орудовать ложкой, опустив свои серые раскосые глаза. Ну, не раскосые. Просто они, глаза, больше, чем у людей. Потому и кажутся раскосыми. Я же пробегаю взглядом содержимое ящичка. Так... Бинты. Пластыри. Полевые сшиватели. Гели. Складные иммобилайзеры. Различные препараты. Выдёргиваю восстанавливающий ткани биогель, затем плоскую пачку с биологически активным бинтом. Хватит. Всё равно ещё не решил, что делать дальше с пленницей. Опа... Про жаркое-то я забыл! Торопливо метнулся к печке, сорвал с неё шипящую и булькающую кастрюлю, плюхнул на стол.

– Съела суп? Держи второе!

Наваливаю ей в опустевшую тарелку тушёной коровятины. Затем наливаю в чистую чашку натты, поддвигаю к ней, возвращаюсь на кровать. На этот раз саури ест не так торопливо, как первое. Понятно почему – уже кое-что есть внутри. Но тем не менее орудует ложкой так же лихо, время от времени делая небольшие глотки из кружки горячего напитка. Даже жмурится иной раз от удовольствия, становясь похожей на большого котёнка. Но я-то знаю, как они могут быть смертоносны в следующее мгновение.

Наконец девчонка удовлетворённо откидывается на спинку стула, довольно вздыхает, отдуваясь от сытости, и я, поднявшись с кровати, приближаюсь к ней с бинтом в руке и флакончиком геля:

– Давай свою конечность. Будем лечить.

Она смотрит на меня странным взглядом. Ну не разбираюсь я в эмоциях саури! Затем она произносит:

– Будешь меня...

Вдруг рывком дёргается, выпрямившись, прыгает. Но неудачно. Стул всё же довольно тяжёл, и девушка цепляется за стол, который со звоном летящей с него посуды переворачивается. Но тут уж я не плошаю и в следующее мгновение наваливаюсь на неё сверху. Вес моего тела слишком тяжёл для неё, она хрипит, но вцепляется острыми мелкими зубками мне в правую кисть. Со всего маха отвешиваю самке оплеуху, та на мгновение теряется, и тогда мне удаётся выдернуть руку из её челюстей.

– Ах ты, зараза!

Не сдержавшись, зло ору я по-русски, и странное дело, бьющаяся подо мной саури затихает. Потом, кое-как набрав воздуха в грудь, спрашивает:

– Ты – землянин? Из Империи? – И что невероятно, спрашивает на русском. Практически без акцента...

Глава 2

И тут я расслабился, что крайне непозволительно. И сразу получил ослепляющий удар по глазам. Хлесткий, безжалостный. И очень болезненный, кстати. А потом услышал хруст собственной плоти, прорезаемой чем-то острым. Но саури не выпустил, сослепу вдавил ей локоть в мягкую грудь, – девчонка пискнула и отрубилась. Ну а я, естественно, свалился с неё, заливаясь слезами. Хвала Высочайшему – не ослеп. Что-то вижу. Кое-как смахнул влагу с ресниц, через мутноту слёз различил её тело перед собой, а потом завопил, что оставалось сил:

– Ко мне!

И только тогда отключился.

...Первое, что я понял, когда очнулся, так это то, что лежу в постели, и бок у меня заматан какими-то тряпками. Идиоты! Впрочем, нет. Всё верно. Поступили, как полагается в эти времена. Открыл глаза: рядом сидят двое – Грам с бледным лицом и Юрика. Такая же белая, как снег на улице. Ох и больно! Бок просто жарит! Прислушался к себе: точно, заражение. Чем же она меня так, интересно? И где саури сама?

– Грам... – хрипло, с трудом вытолкнул я слова через запёкшиеся губы.

Парень встрепенулся, на лице вспыхнула надежда.

– Съере граф, вы живы!

– Жив... Пока... Там, под кроватью белый ящик с алым крестом... Дай его сюда...

Не раздумывая ни секунды, тот нырнул вниз и выудил наружу то, что я просил.

– Открой.

– Как, съере граф?

Еле шевеля пальцами, я нажал на клавишу. Пружина защёлки сработала, как и полагается. Нашупал универсальный антидот – нужно остановить заражение. Я уже догадался, что это было. Болван! В комбез самки вшита спица с ядом!.. Через мгновение мне стало легче. Причём настолько, что регенерин я вкатил себе уже не морщась и не делая титанических усилий. Сразу зачесалось в боку. Препарат начал действовать моментально.

– Дай воды.

– Но... Съере граф... Вам же нельзя!

Усмехнулся:

– Теперь можно.

Чего я не ожидал, так это реакции оказавшейся рядом Юрики – баронесса с плачем простёрлась у меня на груди. Пришлось нежно её прижать к себе и погладить по голове, по пушистым волосам... А вот и вода! Восхитительно прохладная, вкусная, невероятно чистая! После того как я осушил три кружки подряд, мне стало совсем хорошо. Даже чесаться стремительно восстанавливающиеся ткани стали гораздо меньше. Впрочем, спица саури представляет собой узкое плоское лезвие и не рвёт ткани тела, а просто их раздвигает. Так что внутри особо ничего страшного нет. Если бы не яд... А тот действует всегда по-разному: когда мгновенно, когда и, наоборот, вызывает длинную мучительную смерть. А фиорийка плачет. Не слишком ли пылкие чувства я у неё вызываю? Хотя могла и действительно влюбиться...

– Где...

Грам понял. Показал на клетку. Саури, плотно обмотанная верёвками, скорчилась внутри.

– Не били?

Советник пожал плечами:

– Может, пару раз и стукнули, когда отрывали от вас. Но особо свирепствовать не стали.

Решили дождаться вашего решения. Что будете с ней делать?

Я ухмыльнулся:

– Ничего.

– Как?! – в один голос возопили оба.

Юрика даже от удивления перестала рыдать и, наконец, оторвалась от моей груди, загляывая мне в лицо – уж не повредился ли я в уме? Ну и саури стриганула ушами...

– Так. Пусть тут и сидит. А вернёмся в Парду – посажу в тюрьму. До своего возвращения.

На лице Грама появилась понимающая улыбка. Тюрьма – всегда не сахар... Тем более подземная темница...

– Ладно. Можете сказать всем, что я – жив. Завтра уже буду на ногах.

– Завтра?!

– Завтра, завтра. Не переживайте. Умирать раньше времени я не собираюсь. Ещё столько дел надо сделать... А сейчас принесите мне пожрать, а то действительно умру! От голода!

Грама сорвался с места и выскочил наружу в мгновение ока. Затем послышался его крик:

– Съере граф желает завтракать!

И – счастливый рёв снаружи...

Сутки пришлось пролежать в кровати, потому что саури пырнула меня неслабо. Во всяком случае, последствия оказались хуже, чем мне по первости показалось, но не такие, как бы ей хотелось. Юрика ни на мгновение не отходила от моей койки, сидя рядом. Пыталась в меру сил развлекать меня, но по большей части молчала, лишь глупо хлопая своими ресницами и глядя на меня взглядом влюблённой коровы. Может, грубо звучит, но почему-то всё очарование девушки куда-то исчезло. Наоборот, с каждой минутой я всё больше тяготился ею. Саури сидела в своей клетке молча, хотя рот ей не завязывали. Лишь зыркала ненавидящим взглядом время от времени, понимая, что ничего хорошего больше не светит. Ладно. Посидит в подземелье башни, а там видно будет. Во всяком случае, если что со мной в Рёко случится – то и ей не жить.

На следующее утро я действительно поднялся, выставил всех, кто сидел со мной эту ночь, охраняя, наружу, задрал рубаху и посмотрел бок. Осталось лишь большое синеватое пятно, которое, впрочем, скоро рассосётся. Выругался, потом подошёл к клетке, упёр руки в бока. Саури просто полыхала злостью. Плюнь – и зашипит!

– Ты сделала самую большую глупость в своей жизни... – Говорил я на русском, не заботясь, понимает она меня или нет. – Я не хотел навредить тебе, как бы дико это ни звучало со стороны человека. Жила бы в замке, под моей охраной и защитой. Надеюсь бы на то, что отсюда можно будет выбраться. А теперь – прости, дорогая. Я скоро уезжаю. Так что будешь меня дожидаться в тюрьме. Ну а перед отъездом...

Я ухмыльнулся так гнусно, как только мог, чтобы она не сомневалась, что её ждёт по прибытии в Парду... Самка забилась, но мне было плевать. Нарвалась сама! Вот и отвечай. Тоже сама... Одевшись, я вышел из шатра, вдохнул свежий тёплый воздух, нагретый тёплыми источниками. Хорошее место! Летом здесь должно быть красиво... Народ уже проснулся, позавтракал и ждал дальнейших распоряжений, потому что всю долину сервы уже пропахали и прощупали.

– Съере граф? – Грама уже тут как тут. – Как вы себя чувствуете? Ничего не болит?

Успокаивающе машу ему рукой:

– Всё в порядке. Будто ничего и не было. Скажи людям, пусть пока отдыхают. А мы с тобой пойдём смотреть обломки.

Как я и ожидал, ничего ценного для меня в Малом Листе саури не нашлось. Куски металла, полурасплавленные обломки, обрывки проводов. Надо бы обшарить его тщательней, но вряд ли там что осталось ценного и целого. Иначе девчонка устроила бы нам кровавую баню, как только мы появились на горизонте. А вместо этого она пустилась в бега, дура. И я невольно притронулся рукой к метке на боку. Грама заметил жест, понятиливо опустил на миг глаза.

Мы подошли к раскопу. Я набрал комбинацию, не обращая внимания на вытянувшихся по стойке «смирно» часовых, дождался открытия люка. Затем подтянулся сам и поманил за собой советника:

– Забирайся сюда!

Кое-как, с помощью охранников он смог перевалиться через комингс и оказаться внутри. Со страхом осмотрелся:

– Что это, съере граф?

Я едва заметно усмехнулся:

– Дело рук человеческих. Поверь. – Набрал в грудь побольше воздуха, собираясь с духом: – Полезли...

Хорошо, что грузовые трюмы имеют свой выход. На крыше. А теперь – на боку. Я раскрыл створки, оказавшиеся почти на уровне земли. Повезло! Показал парню на ряды контейнеров, плотно забившие грузовые отсеки:

– Это всё вытащить и погрузить на сани.

– Понял, съере граф! Будет исполнено!

– Вот и ладно. Идём дальше...

Оказавшись в двигательном отсеке, решительно рванул на себя дверцу инструментального ящика, откуда со звоном посыпались инструменты. От неожиданности Грам отпрянул, но, сообразив, что я стою спокойно, вернулся на место.

– Всё собрать до последней железки. Приставить охрану. За каждую гайку отвечают своей жизнью.

– Да, съере граф!

– Кроме этих двух мест, больше никого никуда не пускать. А я пойду отдыхать.

– Вы себя ещё плохо чувствуете после ранения? – всполошился парень.

А что, хороший повод сачкануть...

В общем, дальше начался труд. Тяжёлый, но крайне необходимый для меня. Вытаскивали всё. Груз, те из деталей корабля, что были оторваны. Развинчивали и демонтировали всё, что можно. Кроме реактора, разумеется. И его систем. Благо он модульный. Но массивный куб был слишком тяжёл... Через три недели мы наконец смогли отправиться восвояси. Сани тяжело проседали в снегу, но люди были веселы – их ждали семьи и щедрое вознаграждение. А ещё воцарилась на удивление хорошая погода. Яркий, просто стерильный белый снег, полное отсутствие ветра, лёгкий бодрящий морозец и осознание того, что мне все-таки удалось сделать кое-что очень важное, а именно – отослать на родную базу сообщение по межпространственной связи. Впрочем, отослать – это одно. А вот получить подтверждение, да ещё заверенное подписью лучшего друга, – нечто другое! И потому у меня удивительно хорошее настроение, которое не портит даже скрючившаяся от холода фигурка замотанной в верёвки саури, клетка с которой подвешена между двух лошадей.

Меня догоняет лошадка Юрики дель Рахи. Девушка, подумав, решила вернуться в Парду вместе с нами, потому что сейчас оставаться в её полуразрушенном замке бессмысленно и опасно. Могут наскочить случайные грабители, или кто-нибудь из окрестных феодалов нагрянет с визитом, увидит, что одна, – изнасилует и убьёт. Или появится стая диких зверей... Так что выбор баронессы осознан и взвешен. Другое дело, что отчего-то всё моё влечение к ней ушло неизвестно куда, и её присутствие откровенно тяготит мою персону. Юрика же явно взяла курс на то, чтобы стать моей супругой. Ну а что обычно отпугивает мужчин лучше всего? Естественно, брачные узы...

– Съере граф, вы хотите казнить это чудовище в Парде?

Отрицательно мотаю головой:

– Вовсе нет, баронесса.

Та удивлена:

– Тогда что?

– Будет сидеть в темнице. Для такой, как она, поверьте, это куда хуже смерти...

Юрика никак не может понять смысл моих действий. Делает очередную попытку:

– Но тогда как же оставить попытку убийства высокородного владельца безнаказанной?

Снова терпеливо объясняю:

– Смерть для такой, как эта... самка... будет лишь избавлением от мук. А вот заключение в подземную темницу заставит молить о пощаде и мучиться всю оставшуюся жизнь. Подобные ей не могут жить без дневного света...

На меня смотрят удивлённые глаза, но я говорю истинную правду. Самое страшное для саури – не видеть дневного светила. Они быстро чахнут и умирают в страшных мучениях. Даже в космических кораблях враги делают иллюминаторы, чтобы можно было увидеть свет настоящих звёзд, а не изображение голограмм. Такая вот особенность их организма, который не может обходиться без ультрафиолета... Баронесса изумлённо округляет глаза, а я думаю, до чего же глупо она выглядит в этот момент...

– Простите, доса, но у меня дела в голове колонны.

Посылаю Вороного вперёд, тот резко ускоряется, оставляя кобылку дель Рахи позади. За мной мчится десяток личной охраны. Пролетая мимо клетки с саури, мельком отмечаю синие губы самки. Ей явно холодно. Пожалеть? Ещё чего! Бок до сих пор чешется, хотя и терпимо. Да и чего с ней возиться? Мы же враги, причём лютые враги! До смертного одра! Потому что вид человека вызывает у саури столь же глухую ненависть, как и их внешность у нас. Потому-то и все отношения между двумя цивилизациями сводятся к элементарному геноциду и ксеноциду. Причём тотальному. Правда, ходят по Флоту туманные слухи, что где-то как-то кто-то когда-то... Но всего лишь слухи. Ничем не подкреплённые. Всё-таки решаю сжалиться. Помрёт раньше времени, и не будет мне удовольствия наблюдать за её мучениями. Потому осаживаю жеребца и оборачиваюсь к охране:

– Мне нужна доха.

Старший охраны отдаёт короткий приказ, и последний из воинов мгновенно исчезает и спустя минут пять возвращается. Перед ним на седле лежит толстый валик большого овчинного тулупа. В такой даже я могу завернуться два раза, при своих размерах, а уж хрупкую саури в шубу можно закатать, как в коврик.

– Стой! – отдаю я приказ погонщику лошадей, на которые навьючена клетка.

Серв послушно останавливает лошадей. Спрыгиваю с седла, забираю у охранника шубу и подхожу к клетке. При виде меня девчонка поджимает свои уши. Ага, боится! Ладно. Открываю замок, благо ключ только у меня, киваю охранникам:

– Вытащите её.

Те с шутками и хохотом извлекают брыкающуюся саури. Ооли пищит, шипит и плюётся. Её ставят на снег, и я сам набрасываю на её плечи тулуп, заворачиваю вдвое, потом лично засовываю её обратно. Из меха торчат только нос и глаза. Остальное закрыто. Закрываю дверь, вешаю обратно замок. Снова взлетаю в седло:

– Поехали!

На этот раз неспешно еду вдоль обоза, растянувшегося почти на километр. Ну ещё бы. Сотня саней, тяжело гружённых. Двести лошадей. Три сотни сервов. И – две недели пути до Парды... А ещё пытаюсь понять, что я ощутил, когда гибкая фигурка очутилась у меня на руках...

Спустя положенное время мы добираемся до замка. Итак, подбиваем итоги: месяц из срока, который остался до ухода на службу, израсходован. Актив – найдены два корабля, вместо одного. Полностью забран груз с «Рощицы». Оприходован по максимуму Малый Лист саури. Одна самка взята в плен. Послан сигнал бедствия на родину с подтверждением о приёме. Имеется передатчик межпространственной связи плюс два портативных энергогенератора. Постав-

лен на консервацию корабельный реактор, находящийся в работоспособном состоянии. А значит, когда я вернусь из Рёко, можно будет озаботиться его доставкой в Парду и прокладкой энергопроводов до моих промышленных зон в Тумиане. Дополнительный бонус – оборудование мастерских с Малого Листа, благо конечности у нас с саури схожие и устройство и внешний вид инструментов практически одинаковы. Ну и богатства моего механика – микростанки, прецизионные инструменты, измерители, универсальные микромеханизмы... Теперь пассив. А он куда больше. Да, обобрали два корабля. Но оба в нерабочем состоянии. Не удалось найти оружие, если не считать моего офицерского табельного бластера. Всё штатное вооружение Малого Листа пришло в негодность. Ракет у корабля на борту нет. Не положено. А личного оружия экипажа я не нашёл.

Далее: в грузе «Рощицы» нет ничего ценного, сплошной ширпотреб. Ну кому, скажите, на этой планете нужна партия шлёпанцев для бассейна? Когда здесь и самих бассейнов нет? Бижутерия, зажигалки, купальники, женское бельё, энергокапсулы для бытовой техники, простенькие проигрыватели, косметика. Зачем всё это здесь? Или забрал по принципу зелёной земноводной? Мол, моё так моё? Будет? Ну и пусть. Есть не просит, а место для хранения имеется.

Едем дальше – реактор есть. Но вот дотащить его до моих владений нереально. Вес – огромный. Мощность – запредельная. Проще проложить энергопроводы прямо отсюда. Дешевле и быстрее будет. Но! Для этого необходим один правитель. Да-да! В Фиори. Государь, так сказать... И последнее – пленная саури. Зачем она мне? Сам не знаю. Молодая, глупая, без царя в голове, как говорится. Просто прибить её – и всё. Так нет! Почему-то жалею. Кормлю, пою, лечу, даже одеваю. Зато взамен успел получить дырку в боку и порцию какого-то яда. Хвала Высочайшему, вылечился. Благо аптечку вовремя нарыл. Вот же... Не понимаю я себя. Решительно не понимаю!.. Ясно, что со мной что-то не так. Но что?

Между тем от замка, расстилающегося внизу, к нам мчится кавалькада всадников. Мне кажется или нет: впереди, верхом на горячих конях скачут две женщины, в одной из которых я узнаю матушку, а во второй – Мауру дель Конти, её наперсницу. Доса Аруанн что, с ума сошла?! В седле по-мужски! Да ещё... в штанах! В смысле, в облегающих плотно красивые стройные ноги брюках и высоких сапогах со шпорами! И её спутница от досы не отстаёт, так же фривольно, по местным меркам, одета и так же по-мужски сидит в седле! Совсем сдурели дамы!.. В следующее мгновение конь матушки замирает возле меня, и тут же меня стискивают в крепких объятиях, целуют, тормозят, тискают. И всё это в седле! Наконец первые восторги и эмоции проходят, и мы уже в более спокойном темпе едем дальше, благо обоз, не останавливаясь, проследовал мимо приветственного комитета. Наши с мамой кони неспешным шагом шествуют к замку, и я ужасно доволен, что моя экспедиция наконец подошла к концу. Мама ревниво посматривает на гружёные сани, на улыбающихся возчиков и спрашивает:

– Удачно?

– Вполне.

Маура едет чуть позади. Но прислушивается. Чуть повернувшись, спрашиваю у неё:

– Баня готова?

– Разумеется!

Доса Аруанн даже обижена таким глупым, по её мнению, вопросом. Успокаиваю её:

– У меня есть для вас подарки. Пригодятся там.

Это шампуни, лосьоны, притирания... Словом, косметика. Два контейнера. Из десяти. Такого всем обитателям Парды хватит на десять лет!..

Внезапно матушка осаживает свою лошадь, её лицо меняется, и она злобно шипит:

– Это что такое, Атти?!

Вначале я не могу понять причину её гнева, потом соображаю, что нас догнали лошади, везущие клетку. Дёргаю щекой, и мама чуть затихает, но не настолько, чтобы забыть о своём вопросе.

– А, это... Она воткнула мне кинжал в бок. В этот.

Прикладываю руку к левому боку, который уже лишь слабо зудит. Радуюсь, что Юрика решила остановиться на недельку в гостях у своей подруги досы Аланы, заведующей ткацкими мануфактурами Парды. Всё-таки столь дальнее путешествие в зимнее время далось благородной даме нелегко. Но гнев мамы обращён на сидящую в клетке саури. От неё, кстати, ощутимо пахнет, поскольку не очень-то удобно справлять естественные надобности на ходу, да и стыдливость у ушастой оказалась не маленькой... Я сжалился и заменил верёвки обычными кандалами. Они легче.

Доса Аруанн поворачивает своего коня к клетке, подъезжает вплотную и рывкает не хуже меня:

– Ты, злодейка, как посмела поднять руку на моего сына, графа дель Парду?!

– Мама, она тебя не понимает.

На меня смотрят изумлённые глаза матушки.

– Она что, из дальних земель, что не знает человеческой речи?

– Из очень дальних, мама. Очень.

Подъезжаю к клетке, просовываю руку внутрь и приоткрываю поднятый воротник тулупа, в который закутана саури. Та злобно шипит, с ненавистью смотрит на мою маму, которая бледнеет и невольно натягивает поводья. Её жеребец храпит и пятится назад. Сзади слышен слабый вскрик ужаса Мауры.

Доса Аруанн показывает на острые уши саури, потом осеняет себя знаком Высочайшего:

– Исчадие ада... Атти! Убей её немедленно!

– Ма! Прекрати! Она не исчадие ада! Эта... женщина, точнее, девушка, просто несчастная, переболевшая Биномом Ньютона. Поэтому так и выглядит! – И тут же рывкаю саури, естественно на русском: – Хватит душить! Ты пугаешь мою маму!

Неожиданно для меня Ооли послушно замолкает. И... Я едва успеваю захлопнуть изумлённо отпавшую челюсть – саури смущённо улыбается досе Аруанн. На самом деле смущённо. Я же вижу... И естественно, что моя добросердечная матушка тут же тает, напускаясь на меня:

– Атти, так это последствия болезни?

Лгать противно, но приходится.

– Да, мама. Из-за этого её тело стало таким.

– Безобразие, почему ты издеваешься над бедняжкой?! Её и так наказал Высочайший, тебе этого мало?

Ну не читать же мне лекцию о взаимоотношениях между двумя видами разумных? Поэтому молчу. Мама между тем задумчиво произносит, глядя на содержимое клетки:

– Я, конечно, понимаю, что преступница должна быть наказана. Но её хотя бы можно помыть?

Мгновенно прикидываю варианты. Увы, моя мама, когда хочет, может быть ужасно упрямой... Так что придётся, пожалуй, согласиться... Согласно киваю:

– Хорошо. Можете взять её в баню. Но потом я отправлю её в темницу.

Матушка на мгновение озаряется своей столь любимой мной улыбкой:

– Я вижу, ты знаешь её речь?

– Да, мама.

– Тогда скажи, чтобы слушалась меня.

Обречённо говорю с любопытством смотрящей на досу Аруанн Ооли:

– Слушай, саури, моя мама – очень добрая женщина. Она хочет помыть тебя в бане.

Та молчит, и я не выдерживаю:

– Ты же хочешь вымыться?

Ушастая кивает.

– Тогда води себя хорошо и будь послушной. Иначе у тебя будут крупные неприятности.

Снова кивок. Хорошо, что этот жест у нас, в смысле обоих рас, одинаковый... И тут раздаётся её красивый голос, опять на русском, без малейшего акцента:

– Даю слово...

Сзади раздаётся голос Мауры:

– А где Юрика?

– Да, где доса дель Рахи? – присоединяется к вопросу мама.

– Осталась отдохнуть у Аланы. Вернётся через неделю. Она очень устала.

– А, понятно... – протянула матушка, удовлетворённая таким ответом.

Краем глаза вижу, что личико Мауры озаряется едва заметной довольной улыбкой. Эх, баронесса, тебе тоже ничего не светит, поверь, как бы ты ни пыталась... Между тем обоз вползает в ворота Парды, где сервы сразу принимаются за разгрузку саней. Первые возчики, кто освободился от груза, уже спешат вернуться в свои селения...

Глава 3

Как же хорошо побывать в настоящей бане после долгого перерыва! Я, конечно, мылся в дороге. Особенно когда стояли лагерем возле кораблей в долине горячих источников. Но потом-то – две недели пути, когда торопились в Парду изо всех сил, и человеческих, и лошадиных.

Так что сейчас я просто блаженствую! Чистый, вымытый, в лёгком льняном костюме из просторных свободных шаровар и футболки без рукавов, я удобно расположился на диване комнаты отдыха с кружкой горячей ароматной натты в одной руке и пышной сладкой плюшкой, которая просто тает во рту, в другой. Благодать! Чувствую в себе такую лёгкую истому. Мне это очень нравится. Так хорошо!.. А вот и мои дамы!

Открывается дверь, и на пороге появляется мама. В лёгком светлом халате до колен, с открытыми руками и вырезом на груди. Ну, не очень большим. У Мауры тот куда смелее... Она идёт второй. А это кто ещё с ними? Ооли?! Чистенькая, вкусно пахнущая цветами и чистой водой, с распущенными пепельными блестящими волосами, чуть не касающимися пола. В таком же откровенном халате, как и остальные. Да они что, с ума сошли? Мои тётеньки?! Саури – и без оков! С трудом удерживаюсь, чтобы не сорваться с места. Матушка и её наперсница устраиваются на диванчике напротив меня, так же тянутся к чайнику с наттой, а ушастенькая с любопытством осматривается вокруг, потом вдруг решительно опускает свой аккуратный задик возле меня. И мало того – поджимает ноги, натягивая на них короткие полы халатика и приваливается к моему боку. Счастливо вздыхает, потом ухватывает выпечку с блюда и аккуратно ест. Да что за...?! Я не верю своим глазам, но вот же она, рядышком. Её головка на моем плече, в руках – сладкая плюшка. И улыбка собственницы на тонком личике. Ничего не понимаю...

– Налей и мне, пожалуйста, милый...

Я узнаю этот голос. У саури что, мозги вывернулись набекрень от сидения в клетке?! Но руки помимо моей воли тянутся к начищенному чайнику, и я наполняю кружку напитком. Ооли осторожно берёт кружку, делает глоток на пробу, потом довольно вздыхает и снова принимается за плюшку. Потом бархатыным голоском произносит:

– Вкусно! Спасибо...

– Что она сказала?

Матушка смотрит на меня с любопытством. Приходится перевести:

– Благодарит за угощение.

Доса Аруанн не менее счастливо, чем только что саури, улыбается в ответ девчонке:

– Не за что. Я рада, что ей понравилось.

Чисто на автомате перевожу для саури слова мамы. Та... краснеет... Да что происходит-то?! Небо упало на землю? Или солнце стало квадратным?! Матушка повернулась ко мне:

– Расскажи подробнее, как съездил.

– Нормально. Лучше, чем могло быть, но хуже, чем ожидал.

– Это как?

Мама не понимает моего юмора. Приходится пояснить:

– За один раз всё вывезти оказалось нереально. Взяли самое важное и то, что смогли погрузить. Много из найденного настолько тяжело, что даже все вместе мы не смогли бы и пошевелить. Нужно больше людей, больше лошадей и механизмы, увеличивающие силу человека. Хотя бы блоки...

– Жаль. Очень жаль, – вздыхает матушка и задаёт новый вопрос: – А что ты вообще привёз? Я видела много одинаковых огромных сундуков...

– Контейнеров. Так они называются...

И я перечисляю, что находится в этих громадных кубках, которые мы с превеликим трудом затаскивали на сани. Неожиданно для себя я увлекаюсь, а матушка и Маура сидят, зачарованно приоткрыв рот, и с горящими глазами слушают мой рассказ. Даже о саури, привалившейся к моему боку, забыл. Машинально опускаю руку на её плечико, взъерошиваю пушистые волосы, в ответ – довольное урчание. Словно мурлычет большая кошка. Сытая и довольная...

– В общем, остальное вы видели. Сейчас сервы всё разгрузят, завтра придет Вольха, заберёт инструменты. До своего отъезда хочу успеть сделать главные станки на мануфактуры. Ну а когда вернусь... – на моё лицо набегает зловещая ухмылка, – сочтусь с теми, кто меня так хорошо подставил...

Чувствую, как мягкая тёплая ладошка устраивается у меня на боку, скользнув под ткань моей рубашки. Какого... И тут соображаю, что это – саури. Саури?! Саури!!! Девчонка устроила свою головку у меня на коленях, сама спокойно вытянулась на диванчике, её ладошка мягко гладит мою кожу, а сам я ласкаю её шею под пушистыми, уже высохшими, удивительно приятными на ощупь волосами... Ооли ведёт себя так, словно мы очень близки друг другу, словно любовники или супруги... И тут матушка изрекает:

– Ты лучше скажи, чем провинилась твоя подруга на самом деле, Атти, что ты не можешь её простить?

– Что?!

Но тут вмешивается Маура:

– Сьере граф, я вижу, что вы... уже переспали с этой девушкой. Иначе бы она так не вела себя... По-хозяйски... С вами. У неё есть на вас права, потому что она... ваша любовница?

– Любовница?!

Эхом откликается мама, внимательно рассматривая прикрывшую от удовольствия свои громадные глазница саури рядом со мной. А та, словно почувствовав, что речь зашла о ней, вдруг вскидывает руку и... Неожиданно обнимает меня за шею, порывисто приподнимается и впивается в мои губы своими губами, и я чувствую, как её нежный язычок пробивается внутрь моего рта, и помимо своей воли отвечаю на её поцелуй... Который прерывает дружное «Ах!» со стороны дивана напротив... Этот возглас приводит меня в чувство, я отрываю ушастика от себя, но неожиданно мягко.

– Ты что делаешь?!

И – лукавая улыбка мне в ответ. Отворачиваюсь от неё к своим женщинам, чтобы оправдаться, но тут девушка просто обнимает меня, прильнув своей мягкой грудью так, что слова застревают в моём горле. И нежный голосок, шепчущий с придыханием так... многообещающе:

– Заявляю на тебя свои права.

– Что?!

– Ты будешь моим, хомо.

– Никогда!

– Посмотрим...

Саури разжимает объятия, потом вдруг снова целует, только в щёку, и опять тянется за очередной плюшкой. А я вижу, как доса Аруанн становится очень серьёзной:

– Атти, только не лги мне. Ты спал с ней, скажи честно.

Со всей мочи отрицательно мотаю головой. Саури внезапно спрашивает:

– Что спросила твоя мама?

– Спал ли я с тобой.

– Спал?!

И тут вся игра прекращается – Ооли показывает своё истинное обличье. На её личике появляется злобная гримаса, она отталкивает меня, затем выплёвывает:

– Червь! Как ты только мог подумать о том, что я, истинная...

Осекается. Но поздно. И матушка, и Маура понимают, что та их обманывала, притворяясь, и лица дам мрачнеют. Развожу руками:

– Ну, теперь убедились? Я посажу её в темницу. В подвале Башни...

Обе досы понимают, о чём идёт речь, и теперь мама смотрит на саури тоже... с отвращением. А я демонстративно-брезгливо вытираю свой рот, и Ооли бледнеет, понимая, что её трюк не удался. Дамы моментально удалились, а я звоню в колокольчик. Появляется слуга.

– Пусть принесут одежду для слуг. Для неё, – показываю на неподвижно застывшую в углу дивана самку. – И пусть охрана ждёт за дверью.

Служанка исчезает. Спустя пару минут молчания, воцарившегося в комнате, слышу шаги. Затем голос из-за деревянных створок:

– Конвой прибыл, сьере граф. – Женский голос.

– Сколько вас?

– Четверо, сьере граф.

– Отлично. Переоденьте пленницу, и пусть её посадят... – на мгновение задумываюсь, но решение принято быстро, практически мгновенно, – в камеру номер четыре. Заходите. – Поднимаюсь с дивана. В комнату входят четыре крепкие девчонки из моих специальных частей. Показываю на саури: – Заберите.

И выхожу прочь. А позади меня слышен писк, визг и ругань:

– Ты ещё ответишь мне за это, земной червь! Ответишь!..

Но крепкие руки уже действуют, а я спускаюсь на свою половину, чтобы одеться и идти отдыхать с дороги – завтра будет очень тяжёлый день... И послезавтра, и после-послезавтра...

...С самого утра я весь в трудах. Надо переписать всё, что мы привезли из Рахи, послать в долину горячих ключей отряд для охраны имущества и восстановления замка, потому что людям, которые станут оберегать корабли до моего возвращения, нужно где-то остановиться, не в палатках же им жить? Заодно укрепят место для обороны. Ну и проведут геологоразведку. Если есть горячие источники, значит, должны быть и поташ, и сода. Это аксиома. Для чего мне это? Сода – понятно. А вот поташ – это основное сырьё для производства хрусталя и, конечно, удобрения. А попросту говоря – калий. Очень лёгкий и быстро окисляющийся элемент. Можно, конечно, получить его из обычной древесной золы, но это слишком долгий и нудный процесс. Так что лучше уж брать минерал в готовом виде...

Буквально на бегу перекусываю куском копчёной говядины, торопливо выпиваю большую кружку натты, сидя в уголке двора на бревне, приготовленном для постройки очередного сруба. Одновременно мысленно подбивая итоги. Кажется, мне повезло. Пожалуй, всё, что мы притащили, можно реально использовать.

– Сьере граф, вас матушка требует.

Опять что-то случилось? Как не вовремя меня отвлекают от дел! Ладно. Машу рукой Нитту, который деликатно сидит вместе с Грамом чуть поодаль, ожидая, пока я закончу перекус.

– Эй, орлы, продолжаете делать опись привезённого. С больших ящиков перерисовываете все знаки, что имеются на их дверях. А я – к досе графине. Сами видите... – киваю на слугу.

Ребята согласно склоняют головы, и я уношусь рысцой прочь.

Матушка очень зла. И причины этого я не могу понять. Мауры нет, кстати. Но где она болтается, меня не волнует.

– Мама? – смотрю на неё вопросительно, но та просто машет рукой:

– Присядь, Атти. У меня к тебе серьёзный разговор.

Делать нечего, устраиваюсь на скамеечке возле её ног. Матушка вздыхает, а потом начинается:

– Я, конечно, тебя понимаю. Ты зол, обижен, но нельзя же так!

– Что нельзя, мама? Объясни, пожалуйста.

– Я об этой бедняжке, что ты посадил в тюрьму.

Решительно поднимаюсь:

– Хватит о ней. Меня это уже достало. Вы же сами вчера видели, что она представляет собой на самом деле.

– Я бы хотела сама побеседовать с ней, Атти. Но девочка не знает нашей речи. Кто она на самом деле? Только не рассказывай мне сказки о страшной болезни.

Криво усмехаюсь, моя щека дёргается в раздражении, и мама начинает бледнеть – она боится, когда я в таком состоянии...

– Враг, мама. Самый страшный враг человечества. Всех нас, живущих здесь. Уцелей её оружие, эта... уничтожила бы всё, что есть живого на планете. И меня, и тебя, и всех остальных. Поэтому лучше оставь всё как есть. Сидит она в тюрьме – и пусть сидит. Единственное, что я могу для неё сделать, – раз в день выводить на улицу. На час. Чтобы она увидела солнце. Но не больше. И разговор на этом закончен.

Тем не менее мама сияет облегчённой улыбкой:

– Хорошо, Атти. – Потом виновато добавляет: – Ты живёшь высоко и ничего не слышал. А я всю ночь не сомкнула глаз, потому что снизу донёсся такой... стон...

Понятно. Как я уже говорил, для саури не увидеть света солнца куда хуже смерти... Но я никак не рассчитывал, что полы в комнате матушки столь тонкие, что даже слышны крики узников. Вот же... Неприятно. Надо будет это исправить. Стоп! Что это я? Ведь после моего отъезда начнётся строительство. Ох... Ещё успеть сделать проект! Млин, куда ни кинься – везде сплошные дыры! Хорошо, хоть Ролло не надо понукать – он сам отбирает лучших бойцов из лучших и формирует отборный отряд, который отправится со мной в Рёко...

– В общем, делай как хочешь, мама, но ни в коем случае не расковырай пленницу и помни, что при малейшей возможности она просто тебя убьёт.

– Всё так серьёзно?

Грустный взгляд, и я не выдерживаю, благо мы сейчас одни.

– Там... – показываю на небо, – я рос сиротой. Потому что такие, как она, убили моих родителей. И всех, кто жил в нашей... деревне. Меня спасло чудо – наш корабль, на котором я летел домой, задержался в пути. Но из-за этого опоздания было куда хуже – я увидел убитых...

Моё горло сдавливает спазм, потому что перед глазами встаёт изуродованное взрывом гранаты тело мамы, разрубленный пополам лучом тяжёлого бластера отец... Я машу рукой и стремительно выскакиваю наружу, прислонившись лбом к прохладной стене, чтобы никто не видел меня в момент слабости.

...Но даже самый длинный день имеет свойство заканчиваться. Так что после ужина, прошедшего в одиночестве в моих покоях, я сижу за столом и просматриваю файлы найденного мной в моём транспортнике компьютера. Это мой личный. Военный образец. Невообразимо устойчивый и прочный. С автономным нанореактором на воде. Так что машинка работает. И неплохо. Никаких сбоев, проблем и зависаний. Передо мной сияет голографический конус, в котором находятся выводимые мной на свет файлы, папки, фотографии. К сожалению, полезного в умной машинке практически нет. Так, памятные фото, несколько наставлений, инструкции, куча голофильмов и книг, скачанных из Сети, чтобы убить время в пути. Типичный набор. Как говорится, знать бы раньше, где упадёшь, соломки бы подстелил.

Неторопливо делаю мелкие глотки из чашки с наттой, всматриваясь в лица тех, кто сейчас находится там, в Империи. Что в ней происходит, интересно? Пять лет назад мы воевали с кланами саури довольно успешно. Во всяком случае, на фронтах установился некий паритет, а вскоре мы, люди, должны были нанести первые удары по вражеской территории.

В двери скребутся. Это мама. Что она хочет? Впрочем, ладно. Гашу изображение, открываю створки, тут же задвигаю засов. Ни к чему слугам слышать и видеть нас. Особенно когда на столе вещь не из этого мира...

– Проходи.

Матушка с любопытством смотрит на меня, словно никогда не видела прежде, потом подходит к столу, усаживается на свободный стул, наливает себе натты, делает не большой глоток и спрашивает, показывая на плоскую панель компьютера:

– Это... оттуда?

Киваю. А потом... Да чего уж там, если между нами давно нет никаких тайн.

– Хочешь посмотреть на мой мир?

Глаза матушки загораются огнём неистребимого любопытства.

– А можно?

– Можно.

Я прогоняю картинку за картинкой: виды городов, планет, пейзажи и строения, леса и горы, космос, мои друзья, знакомые, просто случайные люди. Доса Аруанн смотрит жадно, забыв обо всём на свете. Иногда задаёт вопросы, если ей что-то непонятно, я, по мере возможности, пытаюсь объяснить, что она видит в данный момент. Больше всего маму интересуют именно люди. Она смотрит с восторгом на их одежду, на их лица, улыбки. Ей очень интересно. Наконец матушка устаёт, нужно передохнуть – слишком много впечатлений, и я, под вздох сожаления, гашу сферу. Взамен нахожу кристалл с музыкой, классический «Вальс цветов» Чайковского, негромко включаю. Мама зачарована звуками скрипок и слаженной, просто невероятной игрой оркестра. Совсем как юная девчушка, приоткрывает ротик, потом спохватывается, со вздохом произносит:

– Как бы я хотела когда-нибудь станцевать такой танец...

Улыбаюсь ей в ответ:

– А почему бы и нет? Позвольте, доса?

Встаю с кресла, обхожу стол, подаю ей руку. Мама поднимается, и я кладу руку ей на талию. Она привычно опускает свободную руку вдоль бедра, но я беру её ладошку и кладу себе на плечо:

– Вообще-то у нас танцуют так, мама...

И я учу её вальсу под светом горящего камина... Наконец мелодия умолкает, матушка раскраснелась, улыбается. А я рад возможности подарить ей радость, потому что завтра утром мне нужно уехать к Вольхе на железоделательные мануфактуры. Чертежи ружей давно готовы, а теперь у меня есть оснащение для изготовления точнейших валов, на которых будут установлены суппорты. Всё остальное для машин, бабки, приводы, шестерни, станины пусть и грубо, но давно готовы. Ну а на первых изготовленных эталонных агрегатах начнут делать другие, более изящные, скажем так, станки и машины. Сколько времени у меня займёт это – неизвестно. Но не мало. Это точно. А потом нужно будет проверить, как идут дела у Ролло... Мама видит по моему лицу, что я уже не с ней, где-то далеко, в своих мыслях.

– Спасибо, Атти. Я пойду?

– Хорошо, мама...

Она делает шаг к двери, но вдруг замирает на пороге, уже протянув руку к ручке, оборачивается:

– Атти... А каким ты был раньше? До того, как стал... – Слова застревают у неё в горле, но я понимаю, что она хотела сказать, и опять включаю компьютер.

Вспыхивает изображение, увеличиваю его во весь рост и слышу потрясённый вздох:

– Высочайший...

Странно смотреть на себя со стороны. А тут я ещё молодой, мне всего лишь двадцать лет, только вышел из Академии и сфотографировался на память у знамени своей первой воинской части. Берет, лихо заломленный набекрень, пятнистый хак-хамелеон, в руках – штурмовой бластер, массивный, но лёгкий, тёмно-синие погоны с двумя звёздочками на плечах. Я ещё лейтенант. Эмблема в виде щитка с кометой на рукаве, означающая отряд глубинной разведки...

Грудь колесом, ручищи – что шатуны у паровой машины, на боку – офицерский меч, подсумок с зарядами на ремне. Словом, красавец. Глупый юнец. А через неделю мы были отправлены в рейд, из которого вернулись лишь я и мой товарищ. Его я вытащил на себе, без ног, истекающего кровью. Засада. Почти всех положили первыми же выстрелами. А меня спасло то, что я отпросился у командира отойти за кусты...

Мама гладит меня по щеке:

– Что-то плохое, да, сынок?

Еле выдавливаю из себя:

– Да нет, ма, просто вспомнилось... Прошное...

Женщина внимательно смотрит мне в глаза:

– А лгать ты так и не научился, милый. – Приподнимается на цыпочки, ласково целует меня в наклонённую голову, взъерошивает, любя, волосы: – Всё-таки мне жаль девочку... – Прикладывает палец к моим губам, не давая возразить, затем открывает замок и уходит к себе.

Я спешно гашу сферу, чтобы никто из слуг не успел увидеть чудеса и растрепать о них по всей Парде. Жалко ей! Саури! Знала бы она... Эх, мама! Как ты можешь забыть старую истину, что внешность обманчива? Выключаю питание, убираю комп в ящик стола, где лежит мой именной бластер. Золотая табличка на кобуре говорит о том, что это непростое оружие. Задумчиво гляжу на него. Потом решительно задвигаю ящик. Надо спать. Подъём будет ранний...

Завтрак, привычная зарядка во дворе, облачаюсь в дорожную одежду. Вороной уже бьёт копытом возле крыльца. Меня сопровождают Нитт, Грам и двадцать человек личной охраны, за каждым из которых выючная лошадь. Все вооружены до зубов, потому что груз у нас поистине драгоценный – инструменты и микростанки. Мы отправляемся в Тумиан...

В пути ничего экстраординарного не происходит, и до замка Лиэй мы добираемся без происшествий. В нём находится резиденция Вольхи, моего первого и пока единственного инженера. После короткого отдыха мы поедem на завод, где будут изготавливаться станки, чтобы приступить к обработке резьбового вала для суппорта. Ну и прочих винтовых деталей. Семейство моего соратника встречает нас на крыльце главной башни замка с радостными улыбками – давно не виделись, оказывается. Сам Вольха, его жена Кери, заведующая пошивочными мастерскими, их дети – близняшки. Мальчик и девочка. Эти совсем малы, им всего по три месяца, а потому находятся на руках двух нянек, почтительно стоящих позади своих господ. Обнимаемся с главой семьи, чмокаю ручку доски Кери, затем все вместе идём внутрь башни. При сообщении о том, что сейчас мы сделаем то, чего не могли добиться почти год, Вольха приходит в дикий ажиотаж, порывается немедленно, несмотря на быстро сгущающиеся сумерки, ехать на производство. Но я категорически отказываюсь, хотя и самому не терпится. Во-первых, я слишком устал, как и мои спутники. Во-вторых – на дворе темно. В-третьих – зачем спешить? Ночь роли не играет. А вот если я отдохну, то и запрограммировать хитромудрый агрегат будет куда проще и быстрее, да и если сразу не выйдет, то можно будет успеть внести правки. Так что лучше сначала баня, потом ужин, а дальше – нормальный спокойный сон в чистой постели, а не полудрёма в седле...

Вольха понимает, что я прав, вот чего у парня не отнимешь – так это чёткого умения ставить на первое место то, что более необходимо в данный момент. Поэтому звучат распоряжения, и меня ведут в отведённые съере графу покои. Затем начинается суeta слуг и служанок, приносят горячую воду, потому что бани так и не построили, я моюсь, переодеваюсь, и меня ведут ужинать. У четы куча вопросов, так что за разговорами время пролетает незаметно, пока доса Кери не уведат кормить своё потомство. А там и я спохватываюсь, прощаюсь с мужчиной и иду поживать. В покоех тепло и уютно, чистые простыни прямо-таки хрустят под моим телом. Как же приятно просто улечься и вытянуть ноги, расслабиться и хотя бы пару мгновений ни

о чём не думать! С этим ощущением чистоты и усталости я просто проваливаюсь в глубокий сон без каких-либо сновидений...

– Вот. Ставьте.

Я протягиваю ещё тёплое после обработки изделие Вольхе. Длинный, полутораметровый вал с точнейшей резьбой. Ошибка – двенадцатый знак после запятой. Максимум. И одновременно возношу молитву Высочайшему, чтобы моему рыжему двигателю-механику в его Садах было хорошо. Инженер трясущимися от волнения руками принимает готовую деталь, подаёт рабочим, которые почтительно ждут своей очереди. Мастерские тут же принимаются за работу, и сразу же слышны восхищённые возгласы – вал становится на место просто идеально, без допусков и зазоров. Рабочие ещё никогда такого не видели! А я улыбаюсь про себя, потом извлекаю из чемоданчика, где хранился микростанок, пачку листков, густо покрытых чертежами и убористым почерком, протягиваю Вольхе:

– Держи. Здесь всё расписано – что, чего, сколько, из чего. Разберёшься?

Мужчина кивает, отходит в сторонку, устраиваясь в уголке цеха, а я вместе с рабочими занимаюсь дальнейшей сборкой агрегата. Дело у нас спорится, потому что, если что не так, на помощь приходят инструменты из Империи, и к обеду наш первый, пока ещё грубый, но оттого ничуть не менее точный станок сияет свеженьким чистым металлом и смазкой. Осенив себя знаком Высочайшего, один из мастеров подходит к машине, запускает привод и, когда вал начинает вращаться, аккуратными движениями подводит резец к зажатой в бабках болванке. Визг, тонкая стружка, завиваясь в колечки, вырывается из-под острия, падает в поддон. Все зачарованно смотрят на работу. Минута, другая – и вот первое изделие готово! Несут измеритель, проверяют все размеры, записывают. Сметаю стружку от первой детали, ставят вторую заготовку, снова запускают станок. Кропотливая работа мастера, нетерпеливое ожидание – готово. Рабочие начинают замерять размеры, и я слышу потрясённый общий вздох – всё совпадает идеально!

– Что, орлы, не ожидали?

Я улыбаюсь – получилось! Народ почтительно кланяется:

– Ваша светлость, это просто чудо какое-то!

– Не чудо. Умение! Работайте так и дальше! Нам предстоит много дел...

Глава 4

Послезавтра я и мой отряд покидаем Парду. Настало время отправления на службу. А сегодня – праздник. В честь моего отъезда. И в замке, во дворе – пир горой, благо весна выдалась ранней и солнце пригревает совсем по-летнему. За стенами, в долине – стройка. Уже роют ямы под фундамент будущего дворца, но всё же место для временного лагеря, в котором разместились в ожидании своего сюзерена и командира мои три сотни воинов, нашлось. Солдаты, кстати, тоже празднуют. Повара сбились с ног, готовя угощение, но справились, и сейчас из кухни доносятся весёлые песни. Люди веселятся в последний раз перед отъездом. Неизвестно, все ли они вернутся с войны. . . На душе у меня скребут кошки, но я не показываю вида, – мама и так готова расплакаться в любой момент, и её наперсницы-подружки также сидят с глазами на мокром месте. Ну а я, что – я? Лишь поднимаю кубок за кубком кверху и провозглашаю тост за тостом. И не пьянею. Во-первых, потому что не люблю. Во-вторых, слуги наливают мне лёгкое вино, а не креплёный денатурат, который пьют все остальные.

Гостей сегодня огромное количество, потому и пришлось накрывать столы в тщательно вычищенном и выметенном дворе под светлыми полотняными навесами. Прибыли и Вольха с женой, и Дож вместе с Ролло со своими половинами и отпрысками, а ещё – куча окрестных феодалов, многие из которых оказались в Парде впервые и потому только успевают раскрывать рты от изумления при виде чудес, для всех обитателей графства уже ставших привычными и обыденными.

– Во славу Фиори!

– Во славу Фиори! Не посрамим!

Нестройным рёвом отзываются пьяные гости, кое-кто уже свалился, и слуги утащили сломавшихся питухов в специальные шатры, поставленные на этот случай. Там можно проспаться, а потом полечить своё здоровье рассольчиком и слабым пивом. Пока эксцессов нет и вряд ли будут – моя репутация работает.

Мама сидит слева от меня. Возле неё – подружки, дель Рахи и дель Конти. Справа – сьере Хье Ушур с супругой, мой компаньон и друг. На него я оставляю присмотр за делами Парды и ведение торговли. И знаю, что магнат, так здесь называют простолюдинов, добившихся высокого положения, не подведёт и не подставит. Да и мои друзья-соратники помогут. Они со своими семьями сидят за одним столом со мной, что показывает моё уважение к ним.

– Покажем в Рёко, как умеют воевать фиорийцы! – доносится до меня могучий рёв из-за дальнего стола. Это кто-то из соседей. Всех сразу и не запомнишь. Ну да пока ведут себя смирно, я не вмешиваюсь.

Поднимаю свой бокал, изготовленный из первой партии хрусталя – поташ в Рахи, как я и надеялся, отыскался, кубок сияет и искрится гранями гравировки на ярком весеннем солнце, залпом выпиваю. Однако, несмотря на слабость употребляемого мной напитка, всё же в голове немного шумит, похоже, меня начинает развозить, как говорится. . .

Пьём, едим, шутим по мере сил и возможностей. Наконец самого стойкого из гостей уносят. Им оказывается тот здоровенный горлопан, который орал громче всех. Барон дель Сохо. Владелец небольшого поместья на самом севере южного герцогства. Мужчина лет сорока, мне совершенно незнакомый. Ну, коли прибыл, гнать не стал. Глядишь, в будущем пригодится даже такое знакомство. . .

Мы остаёмся за столом одни. Я, мои близкие, мои соратники. Негромко разговариваем, я даю последние указания. И вот пора расходиться и нам. Хватит. Уже вовсю горят звёзды в полночном небе. Я прощаюсь с матушкой у дверей её покоев, затем избавляюсь от наперсниц досы Аруанн, явно желающих провести со мной эту ночь. Может, поддаться их желанию? Да нет, пожалуй, обойдусь. И шлёпаю к себе, наверх. Там меня ждут компьютер и постель. Можно

будет посмотреть что-нибудь перед сном напоследок. Завтра просплюсь, проведу день с мамой и её подружками, с Хье Ушуром и его женой, со своими соратниками. Ближним кругом, так сказать. Запланирована поездка на шашлыки, и мясо уже замариновано. Ну а послезавтра рано утром, едва рассветёт, отряд Волка Парды двинется для исполнения вассального долга Фиори перед империей Рёко...

Вот же проклятье! Никак не могу заснуть. Перед глазами стоят умильные личики обеих дам. А в крови бурлит выпитое. Это сколько же у меня не было женщины? Быстро прикидываю и обалдеваю – оказывается, уже почти год! Ничего себе... Ха! У меня есть саури, которой я кое-что обещал перед отъездом, а я свои обещания привык выполнять, благо мы в этом самом плане очень даже совместимы!

Поднимаюсь с койки, поскольку я пока ещё даже не разделся, выхожу из своих покоев и говорю сидящему возле дверей дежурному слуге:

– Принеси аларского вина и лёгкой закуски.

Тот кивает и исчезает прочь...

– Свободна до утра, – отсылаю я возникшую на пороге подземной тюрьмы надзирательницу, громадных размеров женщину с ошейником и прикованной к нему цепью, подвешенными на поясе.

Вместо ответа, она кланяется, отцепляет снасть от пояса, протягивает мне:

– Это для выгула этого отродья, сьере граф.

Хм, грамотно придумано!

– Молодец! Хвалю. Но можешь идти отдыхать. До утра, как я сказал.

Женщина вновь кланяется и исчезает на лестнице, ведущей из подземелья.

Подхожу к двери камеры, где содержится саури. Отдвигаю засов, распахиваю дверь. Ооли, похоже, уже уснула. Во всяком случае, её хрупкая фигурка лежит неподвижно на грубой кровати. И вот же – опять безмерная доброта моей матушки! – у пленницы имеется полный комплект постельного белья и принадлежностей: подушка, матрас, одеяло и даже нижнее бельё. На небольшом стульчике в углу аккуратно сложено её верхнее простенькое платье. Ага! Не спит! Уши выдали! Вон как ходуном заходили! Ах ты же... Зараза...

– Эй, поднимайся, – велю на русском.

Молчит. Только острые ушки шевелятся. Подхожу ближе, срываю с неё одеяло. Саури вскрикивает, сжимается в комок. На ней длинная ночная рубаша из тонкого полотна. И кажется, я такую же раньше где-то видел...

– Чего ты хочешь, хомо?

Она поджимает под себя ноги, торопливо натягивает на них подол рубахи, но я наклоняюсь и защёлкиваю ошейник у неё на шее, прихватив несколько прядей распущенных волос. Самка вцепляется в железо обруча обеими руками, и я сдёргиваю её с кровати. Девчонка падает на земляной пол, охает от боли.

– Чего? Двигай давай!

– Я никуда не пойду! – Саури резко бледнеет, кажется сообразив, что я собираюсь с ней делать, а глаза расширяются, словно у героев японских мультиков.

– А кто тебя спрашивает? – нарочито удивляюсь я. Затем рывком поднимаю её с земли, заставив уткнуться в себя. Свободный конец цепи наматываю на запястья пленницы. – Не хочешь шевелить ногами, значит, понесу.

– А!!! – дико визжит она, но тут же задушенно затыкается – моя ладонь запечатывает наглухо её губы.

Вижу на спинке кровати полотенце. Пойдёт! Запихиваю его в рот саури, и та теперь может только мычать. Вскидываю хрупкое тело на плечо, абсолютно не чувствуя веса, и спокойно выхожу из камеры. Прохожу по коридору, вот и лестница, ведущая наверх. Главное, матушка спит, и мне никто не помешает.

Сбрасываю саури на свою койку. Стол уже накрыт за то короткое время, пока я ходил за Ооли. Оплетённая соломой бутылка хорошего вина, бокалы, сыры, колбасы, копчения. Протягиваю руки к по-прежнему лежащей на постели девушке, серой, словно сумерки, от страха, и... отщёлкиваю ошейник. Отступаю назад, делаю приглашающий жест:

– Поднимайся, подруга. У меня сегодня праздник. Так что составь компанию сыре графу. – Усаживаюсь за стол, наполняю бокалы. Один поддвигаю к ней. – Чего ждёшь? После завтра я уезжаю на войну. Так что моли всех своих богов, чтобы я вернулся. Иначе здесь тебя и похоронят...

Узница немного приходит в себя. Снова поджимает под себя ноги, не веря самой себе, ощупывает шею. Но ей не кажется, и глаза не обманывают – оковы в моих руках. Впрочем, тут же изуверское приспособление летит в угол, где падает с тупым звуком. Я снова повторяю свой жест:

– Садись. – И после небольшой паузы добавляю: – Пожалуйста...

Саури мнётся несколько мгновений, потом всё же сползает с кровати, осторожно усаживается за стол.

Я поднимаю бокал:

– За Фиори.

Она берёт свой, смотрит через хрусталь на багровую густую жидкость, затем... Наши бокалы красиво звенят, когда чокаются. Оба пьём. Ооли вновь округляет свои большие серые глаза:

– Какое вкусное!

Первый испуг, похоже, прошёл, и она смело тянется за сыром, нарезанным тонкими ломтиками и уже пустившим ароматную слезу. Аккуратно съедает ломтик, потом протягивает мне бокал вновь:

– Ещё.

Ещё так ещё. Мне не жалко. Наполняю сосуды вновь.

– Откуда эти бокалы? – Саури любит на игру рисунка на стенках сосуда.

– Сделано в Парде. В моём графстве. Научил аборигенов.

Она дразняще улыбается:

– Прогрессор-педагог?

Отрицательно мотаю головой:

– Потерпевший кораблекрушение. Это мой транспорт упал рядом с твоим Листом.

– Я здесь ни при чём! Нас вместе затянуло в гравитационную яму!

Пожимаю плечами, равнодушно отвечаю:

– Знаю. Я умер задолго до вас.

– Умер?!

Девчонка испугана не на шутку. Киваю в ответ:

– Умер. Моё сознание переписано в тело вот этого аборигена.

– Значит, ты – не имперец?!

– Телом, может, и нет. Но душой – да. Майор Максим Кузнецов. Русский. Неотделимый и единый.

– А как же твоя местная мама? Она знает, кто ты на самом деле?

– Знает. И я её люблю, потому что другой у меня нет. Вы убили её! И моего отца...

Залпом допиваю остатки вина из бокала, снова наливаю, дополняю и ей. Саури словно очнулась от какого-то морока – теперь и её глаза сверкают гневом и злобой. Напомнил, получается...

– Ну что, выпьешь за мою погибель?

Она поднимается со стула, залпом выпивает:

– От такого не отказываются, червь!

– Ах, ты же...

Мой стул падает назад, я так же в один присест выпиваю свою порцию, ставлю бокал на стол.

– Значит, говоришь, я – червь?! Но не гнушаешься моим угощением?!

Странно, но саури молчит. Я хочу ударить её, но неожиданно опущенная при моих последних словах головка поднимается, и на меня смотрят её испуганные глаза.

– Твоё угощение?

Очень странный тон. Совершенно непонятные интонации. Испуг. Недоумение. И ещё что-то... Девушка встаёт, затем медленно начинает обходить стол, приближаясь ко мне. Не боится? Или на что-то надеется? Только на что? Застывает передо мной, поднимая голову, чтобы не упускать меня из вида, затем протягивает руки, кладёт их мне на плечи, и я чувствую, что саури пытается меня наклонить. Ну, раз у тебя возникло такое желание... Наши глаза так близко, и я чувствую её тёплое дыхание...

– Я хочу задать тебе вопрос... Позволишь, человек?

Мои руки помимо моей воли ложатся ей на тонкую талию, и Ооли вдруг сладко вздыхает:

– Почему?

Я не понимаю её вопроса и переспрашиваю:

– Что?

– Почему я хочу, но не могу убить тебя? Почему рядом с тобой я чувствую себя слабой и незащищенной? Почему мне хочется быть с тобой рядом? Почему ты не убил меня, в конце концов?!

Её голос взвизгивает в последнем вопросе, и понимаю, что от моего ответа будет зависеть дальнейшая жизнь. Не только её, но и моя...

– Может, потому, что ты мне нравишься?

Её кожа становится ещё светлее, когда кровь отливает от щёк, а глаза... Они словно два бездонных колодца, которые затягивают меня в бесконечность... И тогда мои губы касаются её, а ладони бережно притягивают её ближе, ещё ближе, и два бугорка груди касаются меня, а потом...

...Просыпаюсь рано утром. На улице ещё темно, камин погас, но глаза забившейся в угол пленницы, прикрывшей своё обнажённое тело моим плащом, сорванным с вешалки, сверкают ненавистью, сразу давая возможность её найти. Увидев, что я проснулся, она выплёвывает:

– Я убью тебя!

Вместо того чтобы наброситься на неё или обругать, я сажусь на кровати, затем протягиваю к ней руки и тихо произношу:

– Иди ко мне...

Тишина, она медленно поднимается, несколько мгновений стоит на месте, затем делает первый шаг, второй и через мгновение вновь оказывается в моих объятиях, а её губы страстно прижимаются к моим...

...Заново закутанное в покрывало неподвижное тело обратно в камеру и осторожно укладываю саури в её кровать. Она так и не пришла в себя, когда встало солнце. С сожалением смотрю на ушастика в последний раз и выхожу прочь, закрыв за собой дверь. Что произошло между нами? Ты же знаешь, что такие отношения между человеком и саури обречены на... И где мне найти силы, чтобы оставить её навсегда? Ведь она...

Возвращаюсь в свои покои, подхожу к смятой постели, тупо смотрю на разбросанное бельё. Потом с размаху бью в стену. Хруст досок, которыми та обита, приводит меня немного в себя. Как же это... Я точно сошёл с ума, когда... Одеваюсь, выхожу на улицу. Зарядка. До седьмого пота.

Из-за стен доносится гул голосов. Вбегаю на стену – точно. Солдаты уже проснулись и тоже занимаются. Утренняя физкультура – святое в любой армии. Полюбовавшись на слажен-

ные квадраты бойцов, возвращаюсь вниз и иду в баню. Принимаю горячий, потом холодный душ, переодеваюсь, возвращаюсь к себе. В комнате уже убрано, постель перестелена. Слуги голову ломают, размышляя, кого их сюзерен лишил невинности...

– Сьере граф, завтрак накрыт в столовой.

Ах да. У нас же куча гостей, и сегодня поесть одному мне не дадут...

Спускаюсь вниз, иду в здание. Столовая убрана коврами и знамёнами. На стенах – гобелены и картины. Богато накрытый стол, улыбающиеся люди. Сегодня только свои, близкие. Так сказать, ближний круг. Занимаю своё место рядом с матушкой. Слуги подают первую перемену. Все дружно набрасываются на еду. Надо бы объявить благодарность повару. И... Нет. Не надо. Я не стану посылать пищу со своего стола саури. Это будет означать признание собственной вины и очень сильно навредит в будущем. Ооли придётся смириться с произошедшим. А когда за мной прибудет корабль, ушастую заберёт Служба Безопасности Империи и выпотрошит из неё всё, что она знает...

Подают последнюю перемену блюд, уже разливают натту и настои из трав и цветов. Люди нахваливают выпечку, ведь сегодня никому не наливают ни капли спиртного. Все должны прийти в себя – завтра в поход...

Трапеза окончена. Выходим на улицу. И тут к матушке подбегает одетая в форму надзирательница, что-то шепчет той на ухо. Мама бледнеет, потом просит прощения и уходит. Я же с напряжением жду последствий. Ежу понятно, о чём доложили досе Аруанн. Эх, не хотел я себе портить последний день дома, но сам виноват. Мы ждём, пока матушка вернётся, потому что уже поданы возы, которые отвезут нас к моему озеру, где будут шашлыки. Но мама задерживается. И я начинаю нервничать. Неужели саури наложила на себя руки?! Я же оставил её совсем без оков... Но вот на крыльце появляется фигурка матушки, одетая в лёгкий плащ. Она зло смотрит на меня, потом решительно забирается в возок. Её компаньонки усаживаются вместе с ней, остальные гости также занимают свои места, и небольшая кавалькада отправляется из замка.

Проезжаем военный лагерь, стройку, сейчас остановленную, углубляемся в горы по небольшой дороге. Путь проходит спокойно, дамы восхищаются красотами окружающих пейзажей, мужчины поддакивают супругам вполголоса. Наконец вот оно, озеро. Слуги быстро разводят костёр, народ разбредается вдоль берега удивительно прозрачного и чистого водоёма необычно правильной круглой формы. С окружающих его скал в воду падает небольшой водопад. Вокруг тихо и невероятно красиво.

Понемногу напряжение спадает, я извлекаю из сумки свой проигрыватель, ставлю кристаллы с классической музыкой, и поражённые до глубины души гости слушают Вивальди, Баха, Шумана и прочих гениев Земли. Для них это чудо Высочайшего. Едим ароматное горячее мясо, шутим, просто разговариваем. Мама тоже начинает отходить от произошедшего утром. И у меня стойкое ощущение, что она чего-то или кого-то ждёт...

Между тем солнышко пригревает всё больше. Становится теплее, в воде время от времени играют рыбы. От их хвостов расходятся по зеркальной глади круги. А это что? Я вижу, как из-за поворота появляются три всадника. Двое солдат и... Не могу понять – какая-то дама? Почему я не знаю её? Всадники подъезжают вплотную к нашей расположившейся на толстых коврах компании, затем спрыгивают с коней. Однако... Мама поднимается навстречу вновь прибывшей и порывисто обнимает её, потом подводит к нашему пикнику, и у меня отвисает челюсть – это саури... Она одета с иголочки, в новенькое роскошное платье густо-красного цвета и бархатный алый плащ, на голове – пушистая шапочка-таблетка, прикрывающая острые ушки, на руках – такие же, как и всё остальное на ней, алые перчатки. Доса Аруанн подводит девушку к нам, затем усаживает рядом со мной. Точнее – между собой и мной. Саури бросает на меня свой непонятный взгляд. Острый, молниеносный. Пожалуй, мне придётся быть насто-роже. А то всадит в меня шампур или нож. А матушка представляет:

– Познакомьтесь – это Ооли. Она из очень далёких земель. Принцесса. И...

– Мама, достаточно!

Графиня бросает на меня бешеный взгляд, но сдерживается. Ни к чему скандалы в этот день. Лишь добавляет:

– Она...

Осекается, потому что моя щека дёргается... Замолчав, доса Аруанн тянется за свежим, прямо с костра, шампуром, подаёт его саури:

– Угощайся, доченька...

Доченька?! Какого... Но ничего не происходит. Саури, несмотря на происшедшее с ней, с аппетитом уплетает мясо, пригубливает настои и даже щебечет с матушкой на нейтральные темы. Когда только успела выучить всеобщий? Правда, акцент неистребим, но зато сразу говорит, что она издалека. Специально так разговаривать не получится. Проколешься рано или поздно. Все гости просто очарованы ушастью, и я не выдерживаю, беру её за руку, встаю, но Ооли выдёргивает свою ладошку, правда, не шипит. Зато подаётся к маме, и та кладёт ей свои руки на плечи, давая мне понять, что не даст девочку в обиду. Понятно... Поскольку саури уже довольно неплохо объясняется на местном наречии, то смогла рассказать, что с ней произошло нынешней ночью. Ну и плевать!

Разворачиваюсь и иду к кустикам, за которыми устроено отхожее место. Мол, мне надо туда. И чувствую, как мою спину сверлит ненавидящий взгляд. Нижайший с ней! Пусть провалится в преисподнюю! Очарование пикника проходит, словно дым от костра, развеиваемый бешеным ураганом. Так что оставшееся время до возвращения я брожу вдоль берега озера, время от времени швыряя в воду камни. Как ни странно, это занятие меня успокаивает, и в замок я возвращаюсь уже в нормальном состоянии. Гости расходятся по своим покоям, матушка уводит Ооли с собой, я же иду к себе. Есть не хочется. Да и вставать очень рано. Ещё затемно. Поэтому просто раздеваюсь и укладываюсь в постель, почти мгновенно засыпая...

...Деликатный стук в двери – слуга будит, как и приказано, заранее. На небе ещё сияют звёзды, но поспать теперь всласть долго не придётся. Одеваюсь, тем временем другие слуги накрывают стол. Что за... Три прибора? Один для меня, второй для мамы. А третий?! Створки распахиваются, и в мои покои входят мама и... Ооли. Молча подходят к столу, усаживаются, не спрашивая разрешения. Ладно матушка. Но эта... Какого она ведёт себя так, словно Парда принадлежит ей?! Чувствую, как внутри меня начинает закипать гнев, но мама, словно чувствуя это, кладёт на мою ладонь свою руку и прикрывает на мгновение глаза. Ну, раз доса Аруанн просит...

Мы молча едим. Когда трапеза заканчивается, я так же, не произнося ни слова, поднимаюсь из-за стола и подхожу к стене. На ней висит доспех. Не такой, как принято в Фиори. Плотная кольчужная сетка, вставки из закалённой стали на груди, животе, руках, массивные стальные погоны. Глухой шлем с острым наконечником, с такого соскользнёт меч или сабля. На ноги – кольчужные штаны с теми же стальными проставками, как и на рубахе. Натягиваю сапоги с прошивкой из опять же стальных нитей. Шлем беру в руку, вот в принципе я и готов. Остальное оружие уже навьючено на Вороного, который ждёт хозяина у крыльца. Подроспешная рубаха надета заранее, естественно. Как и специальные кожаные штаны. Иначе от обычной одежды ничего не останется. Чуть притопываю – всё точно по фигуре. Можно идти. Остаётся последнее – благословление родных.

Подхожу к маме, застывшей неподвижно. В её глазах слёзы. Как же я понимаю её волнение и тоску!.. Опускаюсь на колени. И ощущаю, как она кладёт свои ладони мне на макушку, что-то шепчет еле слышно, и я улавливаю молитву волшебным обострившимся слухом: «Оборони, Высочайший, моего единственного сына от лихих напастей, горестей и болезней, ран и пуще того – смерти...» Молитва окончена, всё, ритуал завершён. Можно... Но тут вторая пара рук ложится мне на голову. Какого...

– Оборони, Высочайший, моего супруга, от напастей и горести, болезни, раны, а пуще того – смерти. Ибо лишь я должна распоряжаться его душой и телом, как законная супруга графа дель Парда... – Ооли, старательно выговаривая слова, шепчет молитву.

И я, если откровенно, растерян. Такое позволяется лишь близким родственникам, а она мне никто. Враг. Но ни в коем случае не венчанная супруга. Так, подстилка на одну ночь. Или это опять моя мама? Я пытаюсь поднять глаза, чтобы заглянуть в её лицо, но это мне не удаётся. Саури стоит слишком близко ко мне. Деваться некуда, и я жду окончания молитвы. Наконец звучат заключительные слова, я встаю – просящий взгляд мамы просто рвёт мне сердце. Глаза саури закрыты. Плотно. Но на пушистых светлых ресницах блестит подозрительная влага, а её губы подрагивают. Молча отвешиваю поясной поклон маме. И раз она так этого хочет, что ж, продолжим спектакль. Точно так же кланяюсь Ооли. Затем беру шлем за ремень, поворачиваюсь и выхожу из комнаты.

Шаги подкованных сапог гулко отдаются в гробовой тишине, которая царит в Башне. Позади меня неслышно, по сравнению с моей, закованной в сталь фигурой, словно призраки, движутся две дамы. Матушка и саури. Выхожу на крыльцо – мой конь уже там. Необычно притихший. Неужели и животное почувствовало, что сегодняшний отъезд – не простая поездка? Возле крыльца мой ближний круг, у всех суровые, напряжённые лица. Супруги Ушур, Дож и Лиэй, Алана и Горн, Ролло и Эрайя, Кери и Вольха, Маура, Юрика... Чуть поодаль – плотная толпа замковых слуг. Я вскидываю правую руку, согнутую в локте, осеняю себя знаком Высочайшего. Все повторяют моё движение. Потом я вновь кланяюсь досе Аруанн и Ооли, застывшей рядом с ней с прижатыми к груди руками. Тем, кто меня окружает, замку Парда, земле графства. Одним прыжком взлетаю в седло. Ну, кто? Мама или... Ооли выступает вперёд, принимает у слуги небольшой круглый щит всадника с волчьей головой, обведённой белым силуэтом на чёрном фоне, подаёт мне. Лёгкий ропот проносится по двору. Народ начинает переглядываться, но я наклоняюсь к саури, принимаю щит, вешаю его на специальный седельный крюк. Затем снова рывком наклоняюсь к ушастику и впиваюсь в её припухшие до сих пор губы. Лучший способ проверить искренность её действий... Но происходит нечто неожиданное для всех, в том числе и для меня. Ооли вдруг обнимает меня за шею, едва не ставив с седла, и страстно отвечает на мой поцелуй. С трудом отрываюсь от её невероятно вкусных губ – я сбит с толку окончательно. Но она шепчет на русском:

– Вернись живым, человек. Потому что только я могу убить тебя.

В первое мгновение я чувствую гнев, и лишь потом до меня доходит, что этими ритуальными словами жёны саури провожают своих мужей на войну... От неожиданности дёргаю поводья, и Вороной взвизгивает на дыбы, бьёт копытами в воздухе, затем рвёт с места. Словно молния он проносится по двору, вылетает наружу, и... Что-то сдавливает мне грудь – вся долина заполнена людьми. Это сервы со всей Парды пришли проводить своего лорда на войну. Их не звал никто. Это их, и только их решение. Кучкой стоят служители Высочайшего из монастыря Святого Клапауция. Они осеняют меня ритуальным знаком, склоняют над моей головой домиком свои хоругви. Но жеребец мчится, не сбавляя хода, и я лишь успеваю вскинутой рукой приветствовать всех, кто пришёл сюда. Там, впереди, мой отряд. Мои три сотни воинов. Лучшие из лучших. Нас ждёт империя Рёко!

Глава 5

На большом поле возле Ганадрбы, столицы Фиори, разбит лагерь. В нём разместятся те пять тысяч воинов и лордов, которые пойдут исполнять вассальный долг перед Рёко. Шатры, палатки, множество возов с припасами. Расположение моего отряда не исключение, так же как и везде, стоят палатки простых воинов, мой шатёр, как командира и лорда, возы. Разве что... Все палатки абсолютно одинаковые по размеру, внешнему виду и цвету. Нет никакой пестроты и разнообразия, что так режет мне глаз в других местах. Единственное выдающееся пятно среди ровного тёмного тона – мой шатёр, личное обиталище властителя. Но и он чёрного цвета. Фамильной окраски Парды. Все возы тоже совершенно одинаковые, на добротных сплошных колёсах, окованных железом. Лошади подобраны по десяткам в масть. И что больше всего поражает окружающих лагерь зевак, вооружение и внешний вид моих солдат. У каждого – прочнейшие добротные доспехи, подобных которым нет даже у большинства рыцарей. Панцирь сверху кольчужной рубашки и штанов, такой же бронированной обуви. Одинаковые прямоугольные щиты с волчьей головой, длинные прямые мечи, небольшие, но очень мощные арбалеты, кинжал-мизеркорд, длинное копье, которое пока хранится в обозе, где за каждым десятком воинов закреплено своё транспортное средство. На таком возу находится запас провианта, неприкосновенный запас фуража для коней, комплект запасных доспехов, запас боевых болтов для личных арбалетов. Помимо запасов, каждый воин везёт во व्यюках своей лошади следующее имущество: котелок, принадлежности для еды и гигиены, смену нательного белья, плащ, нитки, иголки, напильник, запасные подковы и специальные гвозди, нож, бурдюк, надуваемый воздухом для преодоления переправ, верёвку. Словом, всё, что необходимо в походе. Но самое главное – всё одного образца. И шлемы, и доспехи, и оружие, и одежда.

Десятками командуют сержанты. Сотнями – лейтенанты. Над ними – мой заместитель Нитт в чине старшего лейтенанта. Ну а я ношу майорские погоны, как когда-то в Империи. В общем, был майором там, остался им и здесь. На каждой кольчуге на плечевом шве расположена массивная стальная пластина, на которой и напаяны знаки различия. А их расположение и вид не меняется в Российской Империи уже почти пятьсот лет. Так что большие звёзды в центре трёхпросветного погона не блажь, а знаки статуса.

Каждое утро – зарядка, что вызывает дикий гогот среди зевак, которых полно шатается вокруг общего расположения. Но мои солдаты знают, что физкультура – не издевательство, а необходимая подготовка, идущая им только на пользу. Отлынивающих от неё нет, да и быть не может. Несётся караульная служба, хотя мы и на своей земле, исполняются наряды. Пока мы свои припасы не расходуем, зря, что ли, у меня усадьба в столице и цепь купца Высшей Гильдии? Потому каждое утро из города нам привозят необходимое количество муки, масла, мяса и прочего провианта для приготовления нормальной, здоровой пищи, и, в отличие от других отрядов, мои бойцы веселы и здоровы. К тому же каждый день организуется помывка в усадьбе, и теперь остальные воины смотрят на моих с завистью. Баня и ежедневное мытьё как-то быстро прижились в Парде и распространились по округе. Так что теперь в деревнях и селениях, не говоря уж о Сале, стало намного чище. Ну а в вольном городе появились и первые общественные бани, пользующиеся огромной популярностью. Не стану скрывать, что принадлежат они на паях двум почётным гражданам – мне и сыре Ушуру...

Мы торчим под Ганадрбой уже почти две недели, и я проклиная каждый день, потому что мог бы провести это время с гораздо большей пользой, чем заниматься тупым сидением на месте. Хотя нас, лордов, отправляющихся в поход, ежедневно собирают в зале Совета, дают, так сказать, накачку. Нечто вроде пропаганды. Но явились на место сбора ещё далеко не все. Некоторые просто прислали отказное письмо, не знаю, что будет с ними дальше, но точно ничего хорошего. Совет ведь может и лишить титула такого феодала. Другие не успевают добраться

вовремя, потому что их владения находятся на севере страны, а там ещё не все дороги вскрылись от снега. Кое-кто заболел. Словом, как я и ожидал, большая бестолковщина, суета и суматоха. Но пользы от этого, собственно говоря, ноль. Наконец Совет объявляет, что больше никого ждать не станут, а те, кто ещё не прибыл, присоединятся к нам по дороге. Мы должны добраться до Рёко за месяц. Дай то Высочайший... Благими намерениями вымощена дорога в ад, как говорится...

– Простите, сьере, вы – Атти? Атти дель Парда?

Я оборачиваюсь к невысокому, по сравнению со мной скромно одетому хрупкому юноше, по виду – моему ровеснику. Мои охранники, без которых я не выхожу никуда, деликатно расступаются в стороны. Что-то знакомое, но не могу вспомнить, где мы раньше встречались. И тут вдруг меня словно осеняет – это же виконт Меко дель Юрат, с которым я познакомился во время своего первого отдыха в Сале у сьере Ушура! Сколько лет, сколько зим! Юноша мнётся, ему неудобно. Бойтся, что ошибся, но я делаю шаг к нему и сгребая в охапку, крепко обнимая:

– Меко! Куда ты пропал? И ни одной весточки! Хоть бы написал!

Он слабо сипит, спохватившись, я разжимаю свои клешни, и парень болезненно морщится, но на лице вновь появляется улыбка – видно, он тоже искренне рад встрече:

– Высочайший! Атти, это действительно ты!

– Разумеется! Ты где остановился? Сильно занят? Пойдём пропустим по стаканчику, вспомним жизнь!

Виконт мнётся, и я хлопаю его по плечу:

– Ты чего? Пошли. Я угощаю!

– Да дело не в деньгах, Атти... У меня тут жена...

Моя физиономия расплывается в улыбке.

– Всё же отец тебя женил? Рад за тебя! Так бери и её, чего стесняешься?

Меко сдаётся. Ещё бы, такой напор! Словом, мы договариваемся встретиться через два часа в моей усадьбе. Распрощавшись на время, расходимся. Посылаю одного из сопровождающих мою персону охранников известить поваров, что сегодня у меня будут гости, а сам направляюсь в сторону рынка. Нужно кое-что подкупить для похода, пока есть возможность... Всё успеваем сделать вовремя. И закупить партию товара, и вернуться в поместье, и принять ванну, и переодеться. В ожидании гостей болтаюсь по залу, где проходил приём матушки. Но вот слышны шаги мажордома, он заходит в помещение и стучит посохом:

– Виконт Меко дель Юрат с супругой, сьере граф!

– Проси!

Лакеи в фамильных чёрных цветах распахивают створки дверей, и мажордом торжественно провожает гостей ко мне. Меко почти не изменился. Так и остался худым большеглазым подростком, несмотря на то что ему уже двадцать два, как и мне. Его жена – пухленькая шатенка, и, похоже, немного старше своего супруга. А может, просто выглядит так. Личико... Ну, будем считать, что не очень страшенькая. По крайней мере, если приснится, то хоть и проснёшься в холодном поту, но не умрёшь... Мой друг подходит ко мне, подводит свою половину и представляет:

– Моя дорогая жена Анга, урождённая дель Сехоро...

Сехоро... Сехоро... Так это же место, где я покупал своих сервов! Точно! Торопливо склоняю голову в поклоне:

– Очень рад нашему знакомству, доса. Граф Атти дель Парда...

Похоже, что Меко скрыл от супруги, к кому они идут в гости. Потому что глаза его половины расширяются до невозможных пределов. Толстушка поражённо выдыхает:

– Вы – Волк Парда?!

Улыбаюсь в ответ, а Меко напрягается. И зря, между прочим! Моё прозвище мне нравится!

– Он самый, доса. Волк.

Пухлячок поворачивается к своему супругу и тихо шепчет, но мне прекрасно всё слышно:

– И ты молчал, что знаком с самим графом дель Пардой?!

М-да, придётся спасать бедолагу.

– Не ругайте своего супруга, доса Анга. Мы не виделись шесть лет, если не больше, и Меко просто не знал, захочу ли я подтвердить факт нашего знакомства... И зря, кстати!

Я улыбаюсь, и скованность и напряжение гостей начинают уходить. Делаю приглашающий жест:

– Прошу вас...

Мы идём наверх, где в столовой накрыт роскошный ужин, при виде которого супруги дель Юрат на мгновение теряют дар речи. Усаживаю гостей за стол, лакеи накладывают угощение, и мы наслаждаемся ужином. К моему удивлению, супруга Меко, несмотря на неприятную, если не сказать больше, внешность, довольно хваткая дама! И похоже, именно она играет первую роль в семье. Бедный парень! Но кажется, Анга всё-таки уважает своего мужа и старается не слишком афишировать своё главенство...

– А ты, Атти? Так и не женился?

Я смеюсь:

– Что я тебе плохого сделал, Меко?

Его супруга мрачнеет, и приходится пояснить:

– Когда я заболел, то дал обет Высочайшему жениться не раньше, чем мне исполнится двадцать два года. Так что теперь дело за малым – к тому времени найти подходящую супругу.

– Значит, обет?

Такие вещи очень уважаются в Фиори.

– Разумеется, доса Анга.

Меко тем временем наворачивает салаты. Зелень ему нравится куда больше, чем мясо. Да ещё со свежим майонезом... И светская беседа идёт в основном между его супругой и мной.

– И какой же должна быть ваша будущая жена, съере Атти?

Улыбаюсь в ответ на допущенную бестактность:

– Она должна быть похожа на мою матушку – такая же красивая, добрая и умная.

– Красивая, добрая и умная?... – задумчиво тянет доса дель Юрат, и, подтверждая свои слова, я только киваю в ответ. – И у вас есть кандидатуры, отвечающие этому критерию?

Какая же она любопытная!

Её муж что-то чувствует, поэтому делает попытку заставить жену замолчать:

– Анга, прекрати сватать свою сестру. – Извиняясь, смотрит на меня и поясняет: – В семье маркиза дель Сехоро две дочери. Старшая – Анга. А ещё есть младшая, Виури. Она на три года младше нас.

– И она красивая, умная и добрая?

Меко незаметно от жены морщится. Понятно: как бы деликатнее отшить? О! Придумал! И я немедленно приступаю:

– Увы, доса Анга. Какими бы достоинствами ни обладала ваша младшая сестра, это, к моему величайшему сожалению, невозможно.

– Почему же? Хотя бы познакомьтесь с ней, это ведь вас ни к чему не обязывает. – Анга, догадавшись, кидает на супруга злой взгляд.

Эх, попал ты, друг, в неприятности...

– Дело в том, доса, что я отправляюсь в Рёко. Вассальный долг Фиори. Разумеется, вы слышали о нём?

– Так вот почему ты в Ганадрбе в неурочное время?! – поражённо выдыхает виконт, и я киваю:

– Да. На меня выпал жребий. И вместе со своим отрядом я отправляюсь в Империю. На год. Неизвестно, вернусь ли оттуда... – Делаю постную физиономию, осеняю себя знаком Высочайшего и продолжаю: – Поэтому не считаю возможным до своего возвращения обнадёживать либо давать какой-либо повод никому из благородных дам Фиори...

Анга успокаивается. Похоже, и до этой пробивной и довольно нахальной девицы доходит, что за оставшийся до отправки ополчения срок ни помолвки, ни тем более женитьбы организовать невозможно. Так что остаток вечера мы предаёмся воспоминаниям, удачно подсунув жене Меко альбом с гравюрами новых платьев, выпускаемых моими мануфактурами. И пусть меня считают изобретателем каталогов мод!..

Пока Анга сидит в кресле, зачарованно листая картинки, мы отходим к камину, усаживаемся на диванчик, пропускаем по стаканчику доброго вина.

– ...Значит, ты отправляешься в Рёко?

– У меня нет выбора, Меко.

– Я понимаю... – Он делает короткую паузу: – Только будь осторожен, Атти. Из прошлого ополчения в Фиори вернулся едва ли каждый сотый. Император использует наши отряды как затычку в бочке. Где какая неприятность – там фиорийцы. На штурм укреплений – в первых рядах. В сражении – то же самое. И не откажешься. Вассальный долг.

Криво усмехаюсь в ответ:

– Я знаю. А до этого посланцы дважды не возвращались вообще. И сейчас, ближе к середине лета, между Тушуром и Рёко опять обострится их вечная война. Так что риск быть убитым возрастает многократно. – Хлопаю его по плечу: – Не переживай за меня, Меко. Я вернусь. И мои солдаты вернутся. Обещаю. А тогда... – Зло прищуриваюсь.

И тут и он задаёт сакраментальный вопрос:

– А у тебя есть кто на примете? Ну, в смысле невеста?

Я не успеваю ответить, как он поясняет свою мысль, пользуясь тем, что жена забыла всё на свете:

– Советую – обзаведись, хотя бы для вида. Поверь, теперь маркиз дель Сехоро от тебя не отстанет и пойдёт на всё, чтобы заполучить тебя в зятя.

– Не беспокойся. Когда вернусь, то буду разговаривать с сильными мира сего по-другому.

– Вряд ли он по зубам даже Волку Парда...

– Уверен? – Моя усмешка становится злой. И Меко невольно настораживается, но я успокаиваю парня: – Не переживай. Справлюсь.

Прощаемся уже поздно вечером. Анга с сожалением откладывает каталог, потом рассыпается в комплиментах моим мастерицам, и супруги покидают мою усадьбу, а я иду спать. Долго лежу в постели, запрокинув руки за голову, – сон не хочет приходить ко мне. Мой старый знакомый невольно сболтнул лишнее, давая информацию к размышлению. Получается, что на деле Совет Властителей всего лишь ширма для кучки некоронованных королей страны. И именно они правят в ней, творя что вздумается. Если кто начинает выбираться из ямы, в которую его загоняют эти властители, то от него избавляются всеми методами, когда законными, когда нет. Стравливают владельцев между собой, не дают им набраться силы. А значит, если я вернусь из Рёко или когда вернусь, у меня будут большие проблемы. Эти «короли» не успокоятся, пока не уничтожат меня и Парду. Уж слишком графство выделяется из прочих земель Фиори – даже мои сервы живут так, как не всякий лорд. Мои богатства, моя сила не даст им спать спокойно, потому что, дорвавшись до реальной власти, такие вот особи её просто так не отдадут. Есть, правда, возможность того, что меня примут в их круг, но слишком малая. Практически исчезающая. Мой род слишком ничтожен. Я – всего лишь второе поколение, хотя и граф. Стоп! Тогда загадка – почему мне дали титул? Один из самых высоких в феодальной лестнице? Или им надо было уничтожить Тумиана? Вероятность процентов семьдесят. Тогда

что такого раскопал покойный маркиз, что стал опасен для истинных владык? Нижайший! Слишком мало информации! Слишком!..

Поднимаюсь с кровати, набрасываю на себя халат, иду по ночному зданию в свой кабинет. Мне срочно нужно написать несколько писем... Свечи уютно освещают мой стол. Итак... Граму – собрать всю доступную и недоступную информацию о владельцах Фиори. Обо всех. От самых мелких, безземельных, до самых больших. Сколько всего земель у каждого, сколько сервов, сколько вассалов и замков. По возможности – сколько раз каждый из них воевал сам или подвергался нападению со стороны соседей. И с каким успехом. Этот пункт самый важный. Вольхе и Дожу – все силы бросить на развитие промышленности Парды. Принять меры к увеличению производства стали и простого железа. Наладить поточное изготовление токарных, сверлильных, фрезерных станков и обучение тех, кто будет работать на них. Приступить к накоплению запасов азотной кислоты и растительной ваты, как здесь называют хлопок. Освоить производство бесшовных труб. Пока – литых. А там видно будет. Размеры прилагаются. Моей маме... Досе Аруанн быть осторожной, стараться не приближать к себе близко новых людей. Пусть довольствуется компанией наперсниц и Ооли, если уж так ей хочется. Этого должно быть достаточно. Ролло... Скрытно принять меры к увеличению, без ущерба для экономики, армии. Усилить физическую, общую и диверсионную подготовку личного состава. Приступить к строительству цепи застав и фортов на границах графства. По мере финансовых возможностей Парды начать восстановление и ремонт всех замков. Сьере Ушуру... Помочь с накоплением в Парде стратегических запасов продовольствия и фуража для всех подданных графства. Увеличить закупки и поставки хлопка из южных королевств. Ничего не упустил? Проклятие! Как жаль, что я один! Был бы у меня хотя бы ещё кто... Знающий. Впрочем, такой есть... Но после того, что случилось между нами... Вряд ли саури согласится помочь.

Даже если моя смерть и гибель графства означает и её конец. Упрямство ушастых вошло в поговорку.

Так. Всё готово. У меня ещё есть шесть дней. Гонцов пошлю прямо сейчас. Я поднимаюсь, зову дежурного слугу, ожидающего за дверью, даю ему распоряжения, и уже через тридцать минут мои письма на пути в Парду... И сразу с плеч словно сваливается гора. Широко зеваю. Теперь можно и поспать с более-менее спокойной совестью... Как же жаль, что у меня нет хотя бы антикварного радио. У нас на «Рощице» коммуникаторов не было. Они ни к чему. Обходились мнемосвязью. А на Листе? Кто знает, что там имелось. Тоже вряд ли. Саури пользуются чем-то другим. Придётся изобретать радио... Ладно. Надо всё же хоть немного поспать, потому что сегодня предстоит ещё огромная куча дел...

...Сажу на Вороном перед строем своего отряда при полном параде. Хорошо, что ещё не лето и нет жары. Но всё равно припекает чувствительно. Совет Властителей проверяет наличие и принимает, так сказать, парад смертников. Ну, последнее – это уже моё мнение. А для всех остальных мы выглядим как армия, отправляющаяся на войну.

Впрочем, так оно и есть. Империя Рёко действительно воюет. С Тушуром. Уже привычно, без перерывов, впрочем, и без больших потерь. Этакий постоянный вялотекущий конфликт на границе, позволяющий молодёжи расти, полководцам – набираться опыта, поддерживающий патриотизм среди населения и обеспечивающий городам сбыт их продукции. Естественно, что мануфактур, подобных моим, в Рёко нет, как и в прочих местах. Слишком слаба горнорудная промышленность, слишком разрознены мастера, изготавливающие оружие. Даже первичных объединений – цехов – ещё нет в этом мире. Мои же мануфактуры самые крупные здесь, и их продукция пользуется бешеным спросом из-за низких цен и высокого качества. Ещё бы – хром, никель, марганец, ванадий. Общепризнанные в любом цивилизованном месте легирующие добавки. И никто, кроме моих мастеров, ими не пользуется. Обычное болотное сырое железо, иногда упрочнённое при помощи простого древесного угля, так сказать, углеродная закалка. Только особым спросом она не пользуется из-за хрупкости. Но из Рёко поступает

тоненький ручеёк действительно качественного металла. Интересно, кто его изготавливает? Постараюсь выяснить, ну и наладить себе постоянные поставки. Потому что, судя по всему, это метеоритный металл...

Чу! Моя очередь. Точнее, моего отряда. Разодетые в пышные наряды члены Совета во главе со старшим подходят к нам, медленно продвигаются вдоль идеально выровненного строя, восхищённо, а кое-кто и зло глядят на рослых, крепких воинов в доспехах с единообразным оружием. Лишь я выделяюсь из всех узким, невиданным в этих местах чуть изогнутым клинком в ножнах, у всех же моих солдат мечи прямые, как тут принято. На оружии я не экономил, и вооружение моих подчинённых по качеству и исполнению мало уступает моему личному. И выглядят солдаты очень внушительно. Во-первых, их ровно три сотни человек, как и было приказано. Во-вторых, на каждом железа больше, чем на любом из лордов. Лишнее подтверждение моего богатства и могущества. В-третьих, все воины на конях. На мощных сильных конях, специально выращенных и обученных. Так называемая рыцарская порода, способная часами нести на себе тяжеловооружённого всадника в полном доспехе, предки могучих тяжеловозов...

– Граф дель Парда, Совет доволен вами. Вы полностью исполнили повеление Властителей, и вы готовы отправиться в поход.

Слегка склоняю голову перед старшим. Естественно, я готов. И мои воины готовы. Только, сьере лорды, я собираюсь испортить вам настроение. Потому что не погибну, как кое-кто желает, а вернусь. И тогда мы поговорим всерьёз. Пощады вам ждать не придётся. Никому из вас. И ряды властителей Фиори сильно, очень сильно поредеют, а в стране появится один владыка, один король...

Едва члены Совета переходят к другому феодалу, как я даю команду спешиться и разойтись. Слишком долго мы ждали своей очереди. Кони хотят пить, да и людям неплохо бы перекусить. На нас удивлённо косятся соседи, но мне плевать, и мой отряд покидает поле.

– Сьере граф!

Передо мной появляется слуга в котте цвета Совета.

– Что?

– Выступаем завтра утром, сразу после восхода солнца. А сегодня всем, кого проверили, можно отдохнуть.

– Слова Совета услышаны. Ты свободен.

Горожанин кланяется и исчезает. А я под уздцы веду Вороного в наш лагерь. Жеребец неслышно переставляет свои копыта по прибитой сотнями ног траве, время от времени встряхивая густой длинной гривой – уже появились первые мухи и слепни.

Последнюю ночь перед выходом я провожу в шатре среди своих солдат. Хватит сибаритствовать. Впереди – война.

Утром, по густой росе, вокруг начинается невиданное доселе шевеление. Лагерь просыпается, суетятся люди, слышны крики, ругань, вопли. Как же это отличается от нашего расположения! Народ уже поднялся, сделал зарядку, позавтракал и теперь спокойно собирается сниматься с места. Разбираются палатки, снимается шатёр. Всё укладывается на возы, каждый знает своё место и свои обязанности. Ни суеты, ни шума. Спокойная, деловитая работа, занимающая всего лишь несколько минут. И вот мы уже готовы. Я занимаю место в седле Вороного.

Ого! Выглядим мы внушительно. На взгляд несведущего человека. Пять тысяч воинов. Пять тысяч мечей и копий. Только вот конных среди них наберётся едва четыре сотни. Из них три – мои. А прочие – сами феодалы, которые отправляются умирать. Вся остальная армия – пешая. Ну и обоз. Огромный, едва ли не больше самого экспедиционного корпуса. Везут шатры, мебель, специальные продукты для своих господ, слуг, любовниц, мебель и музыкантов. Не сразу приходит на ум аналогия из истории моей Империи – как поляки на войну...

Звучит далёкий звук рога, и все начинают строиться. Хотя здесь нет особой бестолковщины, потому что места в строю уже распределены заранее, и вряд ли кто посмеет дёргаться против трёх сотен тяжёлых всадников. Такие сильные отряды лишь у меня да нашего командира – герцога Востока. Интересно, чем этот лорд насолил некоронованным королям Фиори? Впрочем, несмотря на сравнимую с нами численность, по вооружению и остальному его отряд сильно уступает моему. Вообще я не вижу никого, кто бы мог сравниться с воинами Парды. А таких у меня ещё три тысячи человек в графстве, чтобы защитить его от желающих покуситься на мои земли и богатства, пока я буду отсутствовать...

Мои зубы крепко сжимаются, руки стискивают поводья. Снова звучит рог. Впереди какое-то шевеление. Ну всё, двинулись.

– Сигнал! – бросаю я застывшему рядом трубачу.

Тот подносит к губам серебряный горн, и чистые звуки складываются в приказ – тронулись!

Глава 6

Со стороны отправление нашей армии выглядело внушительно. Одетые в неуклюжие, тяжёлые доспехи рыцари на укрытых тканевыми вышитыми попонами конях, развеваемых ветром. Пестрота геральдических цветов, родовых знаков, украшений просто била по глазам, вызвала мельтешение пятен. За своими лордами шли простые воины. Единственное, что было почти у всех одинаковое, – форма щитов. Массивные, заострённые книзу, почти в рост. За таким можно спрятаться от стрел, благо сверху он обит тонким металлическим листом, частенько покрытым вмятинами от камней, которыми баловались пращники, либо рубцами от мечей или копий. Поверх кольчуг далеко не у всех пехотинцев котты. Тоже расшитые либо однотонные и, как правило, разноцветные даже в одном отряде. Откиннутые пока хауберги, кольчужные воротники, шлем на голове. Подавляющее большинство – простого типа: острые кверху, гладкие, без всяких украшений. Изредка спереди приклёпана узкая полоска металла, прикрывающая переносицу. Но иногда на голове красовалось прямо противоположное, нечто вроде таза с широкими краями, довольно сильно прикрывающее плечи. Этакая круглая, облегающая голову металлическая шапочка с широкими полями. Но очень редко. Подавляющее большинство солдат было в шлемах первого типа. Мечи – самые разные внешне, но все однотипные: длинные, прямые, заострённые или закруглённые внизу. Массивные, приспособленные не пробивать кольчугу, раздвигая её кольца, а разрывать или раскалывать. Лезвия заточены, но не слишком хорошо. Посередине, как правило, полоска кровостока. Но это я сужу по тому, что смог увидеть раньше. Естественно, с обнажённым оружием никто в походной колонне не идёт, все клинки упрятаны в ножнах, представляющих собой две плоские дощечки, обтянутые либо выделанной кожей с бляшками, либо простой грубой тканью. Всё это великолепие держится на поясе из толстой кожи, опоясывающей талию воина. Длинные копья куда более радовали глаз разнообразием наконечников. Классические лавровые листья, зубчатые алебарды, пробойники – долота и даже одно с лезвиями по трубке, к которой приклёпан этакий обрубок полумесяца. Явно трофей из неведомых краёв. На каждом копье длинный вымпел, также раздуваемый поднявшимся ветром.

Кстати... Это считается дурной приметой, но народ, собравшийся поглазеть на зрелище, весел. Люди улыбаются, и, хотя почти всё население Ганадрбы собралось в поле вдоль дороги, их не так много. Моих сервов пришло на прощание со своим графом куда больше. Я даже как-то и не думал, что у меня столько народа проживает в графстве. Нет, конечно, видел, что налоги с каждым месяцем растут, что мы отправляем всё больше и больше товаров на фактории сьере Ушура, что производство нашего коронного продукта, спирта, возрастает с каждым годом. Но увидеть сплошное море человеческих голов, заполнившее немаленькую долину, в которой стоит замок, было для меня шоком. Люди пришли из Парды, Тумиана, Лари, Овори, Саля. Город вообще серьёзно подумывает о том, чтобы принять мою руку и перехватить у Ганадрбы славу новой столицы Фиори. Тем более что моя матушка уже обозвала первую провинцией, по сравнению с Салем. Оно и верно – за последние годы он значительно вырос, расширился, разбогател, на улицах навели чистоту и порядок, даже начали мостить камнем городские магистрали. Так что стоит об этом подумать. В будущем...

Слышны приветственные крики. Это отдают дань уважения герцогу Востока, который ведёт наше войско на заклание. До этого дня я как-то не обращал на него внимания, но теперь... Высочайший, это же дель Саур!!! Так вот почему его отправили в поход без возврата! Отметился на балу у меня – и вот результат. Однако господа тайные правители очень серьёзно обеспокоены моим существованием...

А это что за... Прищуриваюсь и различаю тонкую фигурку Лондры в окружении слуг, стоящую в лёгком возке. Бедная девочка, что же тебя ждёт дальше? Мне искренне жаль её.

Мгновенно вспомнилось, как она была рада тому, что танцует, моему вниманию на балу. Обычному простому дружескому общению. Проклятье! Что бы предпринять?! Что? Что?! Что?! Замечаю внизу, у ног моего жеребца, небольшой камешек. Сгодится! Наклоняюсь в седле, и народ ахает в изумлении: рыцарь в полном доспехе, в кольчуге тройного плетения, поднимает что-то с земли, не слезая с лошади, да ещё так легко? Без помощи слуг?! Откуда им знать, что моя кольчуга и доспех сделаны из переплавленных обломков корабельной брони, отличающейся невообразимой прочностью и почти полным отсутствием веса. Из сумки на боку выдёргиваю блокнот и настоящий земной стилус. Этого добра у меня полные контейнеры. Торопливо пишу на весу несколько строчек, вырываю листок и заворачиваю в него камешек. Остальное убираю. Ещё несколько минут – и мы сравнялись с возком дочери герцога. Лондра удивлённо смотрит на чёрное знамя с вышитой серебром волчьей головой, потом видит мою открытую голову – что я, дурак, что ли, париться на солнышке в шлеме? Узнает? Да, вспомнила. Её губы раздвигаются в благодарной улыбке, я киваю в знак приветствия, потом незаметным со стороны движением пальцев кидаю свою записку. Метко. Галька небольшая, потому, когда попадает в ниспадающий балахон платья, ей не больно, но внимание привлекает. Словно записка от влюблённого, которому суровый отец не позволяет видиться с возлюбленной. Но Лондра прекрасно всё замечает, её глаза удивлённо округляются, только я уже смотрю на дорогу. Точнее, на спины воинов её отца, идущих перед нами. Девушка умна, и я думаю, она поймёт, что моё послание не надо афишировать. Хм... Дель Саур же знает, что я в войске. Но тогда почему ни разу не пригласил к себе? Не навестил лично? Или... Он тоже знает о тайных королях Фиори и решил не привлекать их внимания ко мне? Ну да ничего. Скоро узнаем. Может, даже и этим вечером.

А пока – классический шуршащий топот множества кожаных подошв по утоптанной земле дороги, скрип тележных осей, писк сыromятных ремней упряжи. И – звучащий полным диссонансом к этому грохот боевого барабана из Парды, отбивающий ритм, которому следуют даже кони солдат. Ну, приучены они так.

В полдень первый привал. Обед, отдых, проверка и подгонка снаряжения. Уже появились первые больные. Точнее, не больные, а ослабевшие, стёршие ноги, покалечившиеся – идиотов хватает, и несколько раз возы врезались в идущих впереди них солдат. Даже странно. По уставу армии положено делать привалы каждые пятьдесят минут на десять минут. Во второй половине дня – один большой, на два часа. Плюс два часа на обед. А подобными темпами люди измотаются, устанут, лишатся сил. Впрочем, такое применяется в нашей современной человеческой армии, а здесь – как прикажет командующий. Но, судя по всему, герцог спешит. Спешит убраться из Фиори. Если темп сохранится, то до столицы Рёко, где нас ждут, мы доберёмся вовремя, может, даже с опережением, но очень небольшим. Подобный темп у армии продержится не дольше недели. Потом уменьшится, и значительно. Может, поэтому дель Саури и гонит народ, что знает это? Но вообще это не моё дело – рассуждать за командующего. У меня свой отряд, и им командую только я. Принято так. И никто из здесь присутствующих не может сравниться со мной по силе. Как лично моей, физической, так и совокупной боевой всех трёх сотен. При желании перемелем кого захотим, вырвемся на оперативный простор, и ищи нас в чистом поле...

Снова ревёт рог. Мои воины торопливо седлают рассёдланных на большом привале коней, быстро строятся, и вот мы снова движемся по дороге. Как я понимаю, за сегодня мы пройдем около двадцати километров. Может, двадцать пять. Соответствует норме. Правда, можно и увеличить темп ходьбы, прогнать двойную норму. А потом? Народ просто поляжет. Однако... Информация к размышлению.

От головного отряда отделяется кучка всадников и движется к хвосту колонны. Оглядываюсь: вроде всё нормально. В пределах моей видимости. Большая часть армии скрыта за деревьями большого леса, из которого мы только что вышли. Инспекция? Вполне вероятно. Мои

ребята ещё в пути сняли с себя на ходу доспехи и остались в форме, естественно, с табельным оружием. Так что люди выглядят бодро и практически в любой момент готовы к бою. Впрочем, кто на нас посмеет напасть в землях Фиори? Вот когда доберёмся до Рёко, тогда такой вольности я уже не разрешу...

Слышен запаленный храп коней, мимо проносятся всадники. Чувствую на себе острый ненавидящий взгляд, брошенный кем-то из них, но тут же мерзкое ощущение пропадает, воины уносятся прочь. Впрочем, часа через два они возвращаются обратно. Точно, посылали с инспекцией. Плюс дель Сауру. Маленький такой, но плюсик.

На ночёвку становимся уже перед самой темнотой. На большом поле перед лесом, возле реки. Люди устремляются по округе искать дрова. Шум, топот, крики. Как и должно быть. Ругань из-за удобных для ночлега мест, на берегу быстрой речушки вспыхивает драка. Слуги пытаются как можно быстрее набрать воды для своих господ, но там уже толпа, это раз. А два – кое-кто справляет нужду прямо в воду выше по течению. Непосредственный народ. На разборку подтягиваются сами феодалы, разумеется, становятся на сторону своих, уже сверкают обнажённые клинки, вот-вот дойдёт до стычки. Где дель Саур? Где его люди? А вот и они. В толпу врзается конница, мелькают плети в руках всадников. Вопли, стоны, все разбегаются кто куда. Перепадает всем. Наконец берег очищен, до меня доносятся нечленораздельные крики, изредка можно различить слова. В общем, идёт следствие. Нью-ню... Ладно. Промолчим. Я ещё многого не знаю. А завтра... Усмехаюсь. Сейчас моим людям не нужны ни дрова, ни вода. Всё имеется в обозе. Коней увели поить далеко вниз по течению. Им чистая вода не так нужна, как людям. Так что напьются спокойно. Заодно и остынут, хотя и так их не гнали. А когда народ уgomонится, то дежурные восполнят запасы воды и топлива. Дров в лесу предостаточно. На всех хватит. Ну а пока у воды идёт разборка, солдаты быстро ставят палатки, сгоняют возы в кольцо, огораживая своё расположение, и уже булькает вода в котлах на огне, где готовят пищу. Чешу затылок – а чего это я о полевой кухне забыл? Надо озаботиться было! Недосмотр! Вещь сейчас просто незаменимая. Да и моим сервам пригодится ещё как! Особенно тем, кто в полях работает... И не только... Взять на заметку на будущее...

Утром – подъём и снова длинный марш с одним привалом на обед. Правда, темп немного повысился, и я удовлетворённо усмехаюсь про себя: дель Сауру доложили о моей вольности. Так что поступил приказ: доспехи снять, уложить на возы. А у кого возов нет, нести в руках. Поэтому мы отмахиваем сегодня не двадцать два километра, как вчера, а почти тридцать. Солдаты идут налегке, и такой переход даётся им легко. Ну а вечером становимся снова на ночёвку у реки. Благо в Фиори источников полно. Но едва начинается цирк с водохлёбством, как я не выдерживаю:

– Дежурный десяток – за мной!

Взлетаю в седло Вороного, устремляюсь к воде. За мной – дробная россыпь сорока копыт коней солдат. От бешено несущихся коней все шарахаются, кто-то пытается ругаться, но я не обращаю на это внимания. Этот идиотизм меня достал!

Жеребец могучей грудью сносит подвернувшихся солдат, валит на землю хлипкую, по сравнению с ним, лошадку, я выхватываю плетё и мгновенно выдёргиваю взглядом зачинщиков. Слуги. Один в алом, с какой-то птицей на спине. Второй – в синем, с кругом белого цвета, уже достаточно грязным.

– Взять обоих, – отдаю приказ.

Мои люди прыгают с коней, мгновение – и оба провинившихся стоят передо мной на коленях с заломленными назад руками. Один сипит:

– Как ты смеешь! Я – слуга барона дель Ронго!

Я прищуриваюсь:

– Ты, серв, посмел обратиться к благородному графу дель Парда на «ты»?! Удавить его.

– А?!

Наглец не успевает ничего сообразить, как держащие его воины сноровисто накидывают на шею ремень и с силой тянут за концы. Хрип, хватание за кожу, сучение ног, и, наконец, рефлекторное мочеиспускание. Последнее. Готов... Смотрю на второго. Тот белеет, словно мелованная бумага.

– А ты, негодяй, посмел оскорбить мой благородный слух и взгляд грязной руганью и простонародной дракой? Отправить его к первому.

Мрачные ухмылки моих солдат. Снова шелест ремня, сипение, острая вонь мочи. Вокруг гробовая тишина. Я оборачиваюсь к мрачно застывшим солдатам вокруг:

– Ну, кто ещё желает оскорбить слух и взор благородного графа дель Парда? А?!

Тишина становится осязаемой.

– Спокойно разберитесь, кто, что и как. И не надо всем лезть одновременно. Как идёте в колонне, так и подходите. Не ломитесь все – отрядите дежурного с флягами, таких пропускать вне очереди. Все всё поняли? Не слышу!

Пара мгновений тишины, потом лица светлеют – до воинов дошло, что им приказано. И нестройное, но гораздо более весёлое рывканье:

– Да, ваша светлость!

Но тут кто-то особо умный спрашивает:

– А если слуги опять полезут? Что тогда, съере граф?

Ухмыляюсь:

– Слуги не воют. Пусть делают свои дела после того, как напьётся последний солдат!

– Но благородные рыцари...

– Я тоже рыцарь. Но стою в очереди со своими воинами. Потому что дерусь вместе с ними. А не без них.

Разворачиваюсь, чтобы уйти, но тут слышен дикий вопль:

– Да как ты посмел, подлец!

Договорить он не успевает. Невиданный здесь ранее удар ногой в челюсть выносит плотного, но приземистого мужчину обратно в толпу, из которой он появился. Я молча и зловеще тяну свой офицерский меч. Мало того что у него вид непривычный и устрашающий, потому что ничего подобного они никогда не видели, так ещё и моя зверски перекошенная морда с остановившимися, пустыми глазами пугает всех вокруг так, что люди невольно подаются назад. По цвету котты определяю, что это хозяин первого удушенника, барон дель Ронго. Неуловимое движение – и остриё узкого клинка упирается в горло размазывающего сопли и кровь по лицу ворочающегося на земле чванливого спесивца. И мой мрачный голос, от которого идут мурашки по коже:

– Ты, вонючий барон, посмел возвысить голос на графа...

Последнее слово я выделяю так, что оно сравнивается по значению едва ли не с самим Высочайшим. Ну, ещё бы: барон – практически нижайший феодальный титул. Ниже его только рыцарь. А я – граф! Граф! И тут какой-то баронишка хочет меня в чём-то обвинить?...

– Ты, ублюдок, не можешь призвать своих слуг к порядку, потому что сам с ним незнаком! И ещё осмелился обратиться к самому графу без его на то разрешения! Да я тебя сейчас...

Рука чуть подаёт вперёд клинок, брызгает кровь, и в наступившей тишине я слышу резкий приказ:

– Граф дель Парда, прекратите!

Меч отходит назад, освобождаясь из толстой шеи. Из толпы вываливается злой и уставший, словно демон в аду, дель Саур.

– Граф дель Парда, что вы себе позволяете?

– Вы желаете объяснений? Пожалуйста, герцог. Первое: слуга этого борова посмел обратиться к благородному лорду на «ты», при этом оскорбив меня словесно. Мне кажется, это достаточный повод прибегнуть к закону.

А закон суров. Но это закон. Слуга ещё легко отделался, простой удавкой. Ведь его могли и сварить живьём. Или сжечь на костре. Тоже, разумеется, живьём. Владельца же серва, допустившего такое, ждёт штраф в десять бари. Полновесных серебряных монет. Так что барон крупно попал.

Дель Саур мрачно смотрит на меня, потом изрекает:

– И есть свидетели?

Усмехаюсь:

– Сколько угодно.

Обвожу вокруг рукой плотно сгрудившихся солдат. Герцог некоторое время молчит, потом спрашивает:

– А второй?

– Этот посмел оскорбить мой благородный слух грязной площадной руганью, а взор – простонародным мордобитием. Никакого изящества, никакого воинского искусства. Поэтому в данном случае я счёл себя оскорблённым...

– Но, барон... – Дель Саур делает последнюю попытку, и я парирую:

– Герцог дель Саур, я когда-либо обращался к вам в походе первым?

Краткий миг раздумий.

– Ни разу. Вы вообще ко мне не приходили.

– Мы в походе. Мы – армия Фиори. И младший по рангу не может обратиться к старшему по званию и должности без разрешения того. Согласны?

– Но при чём тут это?! – недоумевает дель Саур. – Барон так же благороден и так же является начальником собственного отряда.

Снова усмехаюсь:

– Вы сами назвали дель Ронго по титулу – барон.

– И что?!

Вижу, герцог сейчас взорвётся.

– А я – граф.

Тишина. Дель Саур молча разворачивается и уходит. За ним убирается свита. Тишина. Я машу рукой:

– Эй, воины, вы чего? Давайте пейте. И так столько времени потеряли...

Взлетаю в седло, трогаю Вороного. За мной тянется мой десяток... В принципе немного на это дело потратили. Полчаса. Зато теперь отыграем их отсутствием сумятицы и тупых, никому не нужных разборок. На нас пугливо косятся, слух о том, как я расправился со слугами и одним из баронов, мгновенно облетел весь лагерь. Ну и пусть! Посмотрим, как вы запоёте, когда нас кинут в мясорубку, на убой.

Как ни странно для всех, но два удавленника и сломанная челюсть навели кое-какой порядок в лагере. Во всяком случае, простые солдаты быстро разобрались, что к чему, и теперь водопой проходил быстро и организованно. Но дель Саур меня избегает по-прежнему. Видел его пару раз, только герцог до жути мрачен, а мне нужно держать марку. Из высших дворян нас в корпусе двое – он и я. Остальные – бароны, шевалье, баронеты, есть пара виконтов. Подавляющее большинство прочих владетелей – простые рыцари. Одноштитовые, как правило. То есть, кроме доспехов, ничего за душой. Потому многие перебиваются с хлеба на воду. А мой отряд, естественно, не бедствует. Вяленое мясо в каше каждый день, пеммикан, как неприкосновенный запас, гречка, рис, пшено. Словом, люди сыты, кони гладки, настроение бодрое.

Так и путешествуем уже неделю. Завтра должны будем добраться до границы Фиори и империи. Там будет хуже. Кто знает, как нас встретят. Хотя, по слухам, их император ждёт нас с нетерпением, потому что дела у него не ахти. Но это лишь слухи. Ничем не подтверждённые. Меня, кстати, это жутко напрягает. Даже гонцов из Рёко нет, поинтересоваться, как мы идём, где находимся, соответствует ли число солдат затребованному согласно договору.

Ничего. Абсолютно. Даже странно, что военное ведомство империи совершенно не считает нужным побеспокоиться о том, соответствует ли численный состав фиорийцев договорному. Кое-кто распускает слухи, что нас сразу же вернут назад, в Фиори, не бросая в бой, – плод воображения оптимистов. В общем, противно. Но я бодрюсь, стараясь ничем не выказывать своих опасений. Внешне бодр и весел. Ведь на меня смотрят мои подчинённые.

Выходим из огромного леса, по которому пробирались два дня. Перед нами величественные просторы долины, в которой где-то вдали еле виднеются стены последнего фиорийского города. До него – как раз половина перехода. Герцог рассчитал всё точно. Вечером будем у его стен. А там, нас уже известили, двое суток отдыха. Для починки телег, отдыха людям и животным, ну и есть надежда, что нас догонит кто-нибудь из отстающих. Из тех, кто опоздал явиться в Ганадрбу или чьи владения находятся по пути экспедиционного корпуса.

Народ за время перехода действительно подустал. Кое у кого пришла в негодность обувь, пало несколько лошадей, не у меня, естественно. Люди поистрепались, ночуя в открытом поле у костров. В общем, большая часть армии имеет вид оборванцев, а не доблестных солдат Фиори. Но это опять же не моё дело. Мои воины в образцовом состоянии. А за остальных я не собираюсь отвечать и снаряжать кому-то солдат за собственный счёт. Деньги мне нужны для других целей. Одна стройка сколько потребует, а ещё нужны запасы для предстоящей после возвращения из Рёко войны...

Так размышляю, пока Вороной неспешно несёт меня по извилистой дороге. Внезапно он встряхивает гривой. Ага! Почуял близкое жильё! Знает, хитрюга, что скоро отдых! Словно в ответ на мои мысли жеребец тихо и коротко ржёт, затем чуть прибавляет шаг. Совсем немного. Но прибавляет. Я улыбаюсь. Естественно, армия ночует не в самом городе, а в поле, кроме самых богатых и знатных дворян. Ну, нам не привыкать. Ставим палатки, шатёр, пища уже булькает в котлах. Люди откровенно веселятся – двое суток отдыха! Красота! Можно сходиться в город, закупить, кому что требуется или понравится, послать весточки близким через купцов, навестить весёлые дома...

Я лежу в шатре на своей походной койке, заложив руки за голову, как мне нравится, когда полог приоткрывается и на пороге появляется незнакомый парень. Что за... И тут замечаю на его груди значок приказчика торгового дома сьере Ушура. Поднимаюсь. Парнишка кланяется:

– Сьере граф, для нас будет большая честь принять вас в нашем представительстве в городе Крольо. – И добавляет вполголоса: – Есть письма для вас, сьере граф. Из дома. – Затем куда громче: – Мы все будем счастливы вашему визиту, и уже истоплена баня.

Он улыбается. Знает, чем меня взять.

Глава 7

После бани я сижу в тени сада и наслаждаюсь прохладным настоем каких-то трав. До чего приятно ощущать себя чистым до скрипящей под пальцами кожи! Передо мной на лёгком переносном столике кучка бумаг, и я не спеша читаю почту. Грам, мой командир, умный человек, разузнав, что мы остановимся в Крольо на отдых, заранее отправил послания прямо сюда. Ну а дороги гонцов гораздо короче оттого, что расстояния, которые пробегает лошадь во весь опор, не такие большие, и меняет своих коней посланец куда чаще, чем обычный обоз. Поэтому нет ничего удивительного, что эти бумаги не просто догнали меня, но и значительно опередили.

Итак... Мои последние письма получены. Вот и подтверждения. Всё будет исполнено в точности. Согласно моим приказаниям. Похоже, ребята и съере Ушур тоже кое-что раскопали интересное. Есть куча намёков, но ничего конкретного. Понятно почему: мало ли в чьи руки попадёт послание. Так что достаточно и простого обозначения того, что в Парде знают... Отчёт моих инженеров. Чертежи получены. Приступают к работе. Ответ из лаборатории. Опыты прошли успешно. Начинают производство пироксилина. Всё равно в селитряных ямах готовому продукту нужно несколько лет на вызревание. А у нас всего год. Письмо от главного строителя, съере Муаро, рекомендованного Хье Ушуром. Он ознакомился с моими чертежами, впечатлён и поражён грандиозностью замысла, но предлагает строить этот дворец в окрестностях Саля, а в долине Парды поставить небольшой летний дворец, спроектированный им на основе моих зарисовок. Внимательно просматриваю его изображение. Что за... Явно несколько элементов заимствовано у саури. Ооли? Может быть... Быстро вношу правки, по мелочи. Опыт мастера чувствуется сразу, как и квалификация, потом утверждаю решение. Всё верно. Надо смотреть в будущее. Одно дело – предполагаемая столица Фиори, другое – родовое гнездо. Молодец строитель! Делаю зарубку в своей памяти. Отчёты финансовые, торговые, производственные. Пока всё нормально. Оно и понятно. Времени-то прошло всего две недели.

Вот и последний лист. Письмо от матушки... Её округлый, по-детски старательный почерк, потому что научилась доса Аруанн писать и читать не так давно. Итак, что же пишет мама? В первых строчках – приветы и поклоны от неё самой, от подружек-наперсниц, от съере Ушура. Потом пространный рассказ обо всех новостях в замке – кто заболел, кто женился, кто родился. Так... Странно, что ни строчки о саури. Ан нет! Вот, в самом конце: «...Ооли мне очень помогает, и не только мне. Все советники просто очарованы её умом и знаниями и очень уважают её мнение и прислушиваются к нему. Чудесная девочка! Но что между вами на самом деле, Атти?...» Если бы я знал, мама! Может, вино ударило в голову, или почему тогда не мог преодолеть её чары... Стоп! Нечего валить на колдовство и гормоны!

Как говорится, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке! Признайся честно, что она тебе нравится, Атти, а? Ведь нравится? Допустим. И что? Даже если я каким-то образом умерю свою ненависть к их виду, где гарантия, что и саури сможет перешагнуть через неё? И... Основа любого брака – продолжение рода. Дети. Потомство. А давно известно, что общий ребёнок от саури и человека невозможен. Пусть хромосомы совпадают и почти полное внешнее сходство. И не только внешнее. Но и внутреннее, и генитальное... Переворачиваю лист с маминым письмом на другую сторону и... Вот это сюрприз!!! Чёткий мелкий почерк, убористый небольшой текст. На русском, почти без ошибок...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.